

84(2Рос)6
4-46/04

Галары Черемнова

ШЕЛ ПО ОСЕНИ ЩЕНОК

Тамара Черемнова

ШЕЛ ПО ОСЕНИ ЩЕНОК

Повести

«Книга по Требованию»
Москва
2015

УДК 82.3
ББК 84
Т17

Т17

Тамара Черемнова

Шёл по осени щенок. Повести / Тамара Черемнова – М.: Книга по Требованию, 2015. – 144 с.

ISBN 978-5-519-46464-2

В сборник Тамары Черемновой «Шёл по осени щенок» вошли два произведения для детей и их родителей.

Герой первой повести — бродячий щенок, любопытный и наивный, который знакомится с добром и злом на улицах большого города.

Повесть «Про рыжую Таюшку» рассказывает о славных ребятах, живущих в обычном городском дворе, — бойкой непоседе Таюшке, ее робкой подруге Маришке, толстом драчуне Борьке и его верном друге Вовке, о детской вражде и недетских проблемах, с которыми столкнулись малыши и их родители.

Немного смешно, немного грустно и очень-очень жизненно.

ISBN 978-5-519-46464-2

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015
© Тамара Черемнова, 2015

ШЕЛ ПО ОСЕНИ ЩЕНОК

Повесть-сказка

Белый свет

В темноту холодного подвала через небольшую отдушину ворвался тоненький лучик осеннего солнца и осветил лежащую на полу голоющую щенку. Но через минуту лучик угас, словно его и не было. И подвал снова наполнила темнота и пуще прежнего прижала маленького щенка к обреченной тонкой подстилке, которая совсем не защищала от холода пола. Наверное, никто на свете не знал про этого щенка, просто он однажды родился в этой подвальной темноте и давно уже привык к ней. Темнота была нестрашной: ведь рядом была его мама — большая, мохнатая, мягкая и добрая. Щенок всегда слышал ее теплое дыхание подле себя и поэтому ничего не боялся. Ну как можно бояться дома, в котором ты родился? Каждое утро мама, ласково обливав щенка теплым языком, отправлялась добыть себе еду. Щенок чуял, ощущал, как она уходила из подвальной темноты в какую-то другую темноту и как потом, через какое-то время, появлялась и ложилась рядом с ним.

А вот в тот не очень далекий день, мама, облизав его, как всегда, своим нежным шершавым языком и накормив теплым молочком из сосков, ушла, и больше ее щенок не видел. Он ждал ее, ждал, мучительно вглядываясь в темноту, но темнота стала немой и холодной. Маленький щенок впервые ощутил себя совершенно беспомощным и одиноким.

Щенок поначалу призывно выл, с надеждой вглядываясь в непроницаемую темень, что вот-вот покажется его мама, прогонит из подвала холод, накормит его молочком и он сладко уснет. Но мама словно утонула в темноте, большая, мохнатая, мягкая, добрая мама больше не пришла к нему. И стало некому почистить его шерстку, и она скаталась и сваялась до того, что местами оголилась кожаца, и щенку стало еще холоднее.

Голодный, замерзший до самых косточек, щенок стал беспокойно бегать по темному подвалу, непрерывно тихонечко поскуливая. Он потянул носом воздух: где-то совсем близко запахло мамой, щенок инстинктивно опустил нос к полу и очень явственно почувствовал запах маминых лап. Так, тыркаясь носом, щенок дошел до ступенек, которые вели наверх к выходу из подвала, на ступенях тоже сохранился запах маминых лап. Как именно маленький щенок карабкался по крутым ступеням этой лестницы, это может хорошо представить себе только очень больной или старый ослабевший человек. Но когда лестница была все же одолена, щенок, весь мокрый, на дрожащих лапах, обернулся назад и, не удержав равновесия, снова упал. Однако каким-то чудом удержался на пятой ступеньке. Итак, перед ним снова высились четыре крутых и на первый взгляд непреодолимых ступеньки. И тогда обессиленный щенок снова подполз к ступеньке, возвышающейся перед ним, и, положив на нее мордочку, а потом и передние лапки, подтянулся и вскинул свое тельце, и таким вот об-

разом постепенно вновь одолел крутую лестницу, которая была у него на пути. Может, инстинкт, что вложила природа в каждое живое существо, помог маленькому щенку додуматься до столь сложного приема, и он успешно выбрался из подвала наверх и долго лежал, тяжело дыша. А впереди, сквозь дощатую дверь, во все щели бил яркий свет и врывались незнакомые для щенка звуки.

Отдохнув, щенок протиснулся под дверью и вылез на белый свет. И тут же пошатнулся и упал: и от голода, и от физического напряжения, и от этого огромного, яркого и шумного мира, ошарашившего его.

Побежденный голодом и страхом щенок был на грани смерти. А вокруг привычно суетился большой город, никто из прохожих даже не заметил, что на асфальте лежит неподвижная кроха, пусть даже не человеческий детеныш, но все-таки кроха, нуждающаяся в помощи. Уже давно этот мир стал равнодушен к таким трагедиям и смотрит на такие вещи пустыми безразличными глазами...

Но вот в темноту небытия, в которую проваливался щенок, стали проникать звуки, тревожить его, звать к жизни. Потом он почувствовал, как его коснулось что-то легкое. Он открыл глаза и испугался еще больше: что-то большое, яркое и разлапистое лежало на нем, но стоило ему пошевелиться, как это яркое сразу же с него слетело и распласталось на асфальте. Щенок перепугался так, что прижался к стене и закрыл глаза, приготовившись снова умереть.

— Ха! Ты что: боишься даже кленового листа, упавшего с дерева? А еще собака! Это же всего лишь сухой лист, — прочирикал перепуганному щенку старый бойкий воробей.

— Значит, я собака... Как хорошо, что вы мне это сказали, а то я не знал. А вы не знаете, кто моя мама и где она?

— Твоя мама тоже собака. Ты совсем глупый, если даже таких простых вещей не знаешь. А свою маму поищи среди собак, они всегда вон в том скверике гуляют.

Как же я узнаю, что это моя мама?

Ты что, разве никогда ее не видел?

Ну-у-у, видеть не видел, но я ее очень хорошо помню: у мамы был теплый мохнатый бок, шершавый язык, которым она меня лизала, и еще она умела прогнать холод.

Ну, прогонять холод все мамы умеют. А какой масти была твоя мама?

А что это такое? — не понял щенок.

Ну, это какого цвета шерсть была у твоей мамы?

Какого цвета — это как?

Ну вот смотри: лист, что упал на тебя, был красный, а ты сам коричневый. Ну а мама твоя тоже была какого-то цвета, вспомни, какого именно.

Я не знаю, у нас в доме было всегда темно. Я только помню, как мама уходила в другую темноту, а потом возвращалась из нее... Я отлично помню запах маминых лап, вспомнил щенок.

Это уже неплохо, по запаху еще проще найти ее, сейчас как раз в сквере хозяева прогуливают своих собак. Ну, беги, малыш, я очень хочу, чтоб ты нашел свою маму, — протиркал на прощание воробей.

В это время недалеко от места, где старый воробей так заботливо все разъяснял глупому щенку, на асфальте развалился здоровущий кот Мурзик. На первый взгляд казалось, что котище и вправду сладко спит, разморившись на солнышке, но это казалось только на первый взгляд, если хорошо присмотреться к хитрому котищу, то можно было заметить, что у Мурзика нервно подрагивают усы. Он уже давно заметил своего давнего врага: не один раз в его лапах оставались перья от хвоста этого старого воробья, но пока лишь только перья, а сам наглец-воробей еще Мурзика не попался, и это-то и расстраивало кота больше всего. Он терпеливо ждал, когда же сей наглец допрыгается и наконец-то попадет в его лапы. Но старый, умудренный

жизненным опытом воробей, видимо, и не думал даже приближаться к Мурзику. Разъяснив глупому щенку, как ему отыскать свою маму, воробей вспорхнул на ветку, и котицу пришлось бы еще долго дожидаться, лежа на осеннем солнышке и притворяясь спящим. И кто знает, может, и повезло бы на этот раз коту, но его коварный план испортил глупый щенок. Не поднимая носа от асфальта, нюхая и разбирая различные запахи, он заспешил в указанном направлении — и уткнулся в пышный кошачий бок. Выйдя из подвала, щенок ощутил столько новых запахов, что родной мамин запах как-то затерялся, несколько стерся из памяти, поэтому кошачий бок он принял за мамин, такой привычно уютный, несмотря на то, что запах был вовсе не тот.

— Ура, я нашел мамин бок! — радостно завизжал щенок и стал тыркать носом в густую шерсть кота, ища там материнские сосцы.

Мурзик сначала ничего не мог понять. Округлив свои зеленые глазницы, он молча уставился на сие невиданное нахальство. А щенок лез все глубже и глубже, подлез под

переднюю лапу кота, жалобно заскулил, полез выше и уперся в кошачий нос. Мурзик все это время терпеливо ждал, что же будет дальше. Но когда щенок ткнулся своим носом в его нос, тут Мурзик уже не выдержал. Вскочив и оцетинившись так, что стал похож на старую обтрепанную щетку, он грозно проорал «мммяяяууу», выгнул спину и оглушительно фыркнул.

И где это, интересно, ты видишь маму? — презрительно спросил вздыбленный кот.

— А вы разве не моя мама?

— Я — твоя мама?! Я что, по-твоему, похож на собачью маму? Ты что, совсем дурак?!

— Наверно... Вообще-то я не знаю, — доверительно признался щенок.

Мяяяууу, зато я это точно знаю! — И Мурзик со злостью хотел ударить глупого щенка своей когтистой лапой, но тут на его голову вдруг свалилась стайка воробьев, и котище, обалдев, повалился на спину, трусливо отбиваясь от маленьких птичек. — Ну вот, всего обгадили, — брезгливо дернул он хвостом. Потом старательно облизал белый галстук у себя на груди и вспомнил, что сегодня его хозяйка собиралась печь мясной пирог. — Пойду-ка домой, может, хозяйка выдаст мне кусочек мяса, — облизываясь, промурлыкал он и потрусил в свой подъезд.

А щенок, отбежав от недоброго кота, стал бегать за прохожими, и так-то незаметно приблизился к булочной: здесь пахло чем-то очень знакомым. Двери булочной то и дело открывались, и от этого вкусный запах только усиливался. И тут щенок вспомнил, как иногда его мама приносила кусочки с таким же запахом — то был запах хлеба. Щенок залез на нижнюю ступеньку лестницы и стал терпеливо ждать. Люди заходили и выходили из булочной, и никто не обращал на щенка внимания. Но вот в очередной раз открылась дверь, и на крыльцо вышел мужчина. Щенок,

увидев мужчину, трепетно заскулил, и тот присел перед щенком на корточки, погладил его и проговорил:

— Ну что, малыш, ты, наверное, есть хочешь? Вижу, что голодный. Да вот у меня, понимаешь, ничего нет для собачьего малыша. Вот только булка свежая, хочешь, могу угостить. — Мужчина вынул из пакета белую сайку, отломил кусочек и стал крошить, а щенок торопливо выхватывал вкусные хлебные мякиши и глотал их.

— Ну-ну, малыш, не торопись. Надо бы тебе молока... А вот молоком я тебя не могу угостить, я его не купил, я же не знал, что мы с тобой встретимся. Э, да ты, я вижу, совсем еще не умеешь есть хлеб. Хммм... А ты, вижу, породистый... Кто же тебя потерял? Где твой хозяин? или хозяйка? Ну не волнуйся, придут за тобой. Тебя, наверное, уже ищут. — Мужчина ласково потрепал щенка и пошел домой.

Щенок, оставшись один, торопился досесть сайку, потому что возле него уже собралась стайка голубей, которые так и порывали растащить последние кусочки. Но вот снова открылась дверь и из нее вышла женщина, ведя за руку девочку. Девочка, увидев щенка, радостно взвизгнула и закричала:

Ой, мама, смотри, какая маленькая собачка! Она похожа на мою игрушечную, которую ты мне купила в магазине! Хочу такую же, только живую, — потребовала девочка.

Послушай, Машенька, эту собачку нам нельзя взять к себе: у этой собачки, наверно, есть хозяин. И потом, если мы принесем в дом еще одну собачку, то та собачка из магазина, что я тебе купила, может на тебя обидеться, — схитрила женщина.

— Нет, не обидится, она же не живая! Я эту хочу, живую! — капризно топнула ножкой девочка.

— А вдруг эту собачку потеряла такая же маленькая

девочка, как ты? Если она не найдет свою собачку, то будет плакать, — вразумляла мама капризную дочку.

Ну и пусть плачет, а я все равно ее возьму, — не сдавалась девочка.

Нет, ты ее не возьмешь! — уже строже сказала мама.

Почему-у-у? Давай возьмем, — заканючила девочка.

Потому что эта собачка больная, если ты ее возьмешь, то можешь от нее заразиться и заболеть. Ты что, хочешь снова пить горькое лекарство? — припугнула мама. — И притом эта собачка не будет тебя слушаться так, как слушается игрушечная.

И убежденная мамой девочка нехотя пошла за своей пугливой родительницей, оглядываясь на щенка и еле сдерживая слезы.

А тем временем щенок, увидев, как голуби пьют из лужи воду, тоже решил попробовать. И вдруг он услышал громкое и до боли знакомое «гав, гав, гав». Да, так лаяла его мама. Он обернулся на лай и увидел, что к крыльцу булочной подходит женщина, ведя на поводке большую собаку.

Мама, мама, — жалко заскулил щенок.

Большая собака потянулась к нему носом и обнюхала.

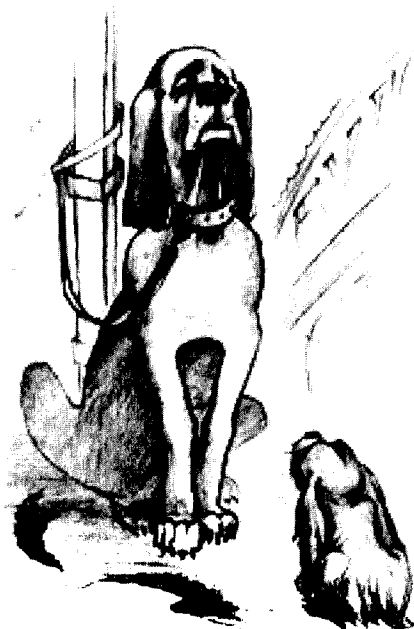
Джеки, когда ты научишься себя пристойно вести, как приличные собаки? И не вздумай снова тянуться к бродяжке, понял? — строго сказала женщина, привязала Джеки у дверей и зашла в булочную.

Мама, ты моя мама, я знаю: только ты так лаяла! — радостно завизжал щенок и, подбежав к большой собаке, стал тыркаться носом ей в живот.

Большая собака, присев на задние лапы, деликатно оттолкнула щенка и важно сказала:

- Я не могу быть твоей мамой.

-- Почему? Ведь моя мама точно так же лаяла, — недоуменно возразил щенок.

Малыш, я не могу быть твоей мамой, потому что я пес, как и ты, мы оба собаки мужского пола.

Кто же тогда может быть моей мамой? — растерянно спросил щенок.

Твоей мамой может быть только собака женского рода, — назидательно ответил умный пес.

— Как же мне ее найти? — грустно спросил щенок.

— А кто у твоей мамы был хозяином? Ведь собака обязательно должна быть чья-то. Впрочем, не всегда так: бывают и бездомные собаки. Так где и у кого вы жили? Где ваш с мамой дом и кто хозяин? — спросил пес.

— А что такое дом и что такое хозяин? Я ни разу не слышал, чтобы мама говорила про них.

— Дом, это там, где ты родился и жил, а хозяин, это тот, кому твоя мама служила, кто ее кормил и выводил гулять.

Ну, в общем, хозяин — это хозяин. Или хозяйка, вот как у меня.

Щенок помолчал, а потом очень тихо ответил:

У нас никого не было, и дома у нас почему-то всегда было темно, а когда мама ушла и не пришла, темнота стала злой и холодной.

Так... С тобой, малыш, все понятно: твоя мама была бездомной собакой, и жили вы, вероятнее всего, в подвале.

И что же это значит? — спросил щенок, предчувствуя в этом предположении что-то нехорошее для себя.

Это значит, что свою маму ты должен искать на улице. Не огорчайся, она быстро найдется. Если, разумеется, с ней не случилось самого плохого.

А что это такое — самое плохое? И почему оно может случиться с моей мамой?

Ну, потому что на свете, к сожалению, бывает не только хорошее, но и вот это самое плохое и его иногда бывает гораздо больше. Ну, не огорчайся, лучше беги, ищи свою маму. Она наверно там, где городская свалка, там обычно обитают бездомные собаки.

Может, этот умный пес мог объяснить щенку и еще кое-какие нужные и важные вещи, но в эту минуту дверь будочной открылась, и хозяйка повелительно крикнула:

Джеки, домой! — И, отвязав поводок, повела пса за собой.

Сначала щенок долго бежал за умным псом, а умный пес покорно шел на поводке за своей хозяйкой. И маленький щенок удивленно смотрел на большого пса и не мог понять, почему он, такой большой и умный, покорно идет, привязанный на коротком поводке. Неужели ему совсем не хочется бегать свободно, без поводка, вот так, как мне, — подумал щенок. Неизвестно, что бы еще мог подумать щенок, но в эту самую минуту пес вдруг обернулся и сказал:

— Смотри, малыш, вон идет собака-дама, спроси у нее:

может это и есть твоя мама? Хотя ее ведет хозяин, ну ты все-таки спроси: может, дама согласится принять тебя своим щенком. Ну, счастливо тебе, малыш! — доброжелательно пролаял умный пес и скрылся за поворотом вместе со своей хозяйкой.

Щенок бросился бежать к собаке-даме, но, не добежав до нее несколько шагов, споткнулся и кубарем подкатился под ее лапы.

— Нет, это полное безобразие, ну никакой воспитанности! Бросаются прямо под ноги! — возмутилась собака-дама и, наклонившись, осторожно обнюхала щенка. — Вы кто, молодой человек? И почему бегаєте, сломя голову? Так можно и покалечиться.

— Мне сказали, что вы можете согласиться стать моей мамой... Дело в том, что у меня потерялась мама... — жалобно пропищал щенок.

— Все равно это не оправдывает вашего безобразного поведения. Тем более что вы еще не знаете моего мнения: согласна ли я стать вашей мамой. — И собака-дама горделиво задрала голову.

Значит, вы не хотите быть моей мамой? Ну почему? Я буду очень-очень послушным! — поклялся щенок.

Это хорошо, если вы будете расти послушным, но ведь дело не только в вас, дружок.

— А в чем же? — обиженно спросил щенок.

— В том, что у меня у самой когда-нибудь появятся свои детки. Но это случится лишь после того, как я стану замужней дамой, а пока я еще слишком молода для этого. Я боюсь, что не справлюсь с вашим воспитанием, вам надо попросить об этом более зрелую собаку, у которой уже есть свои щенки. Не обижайтесь на меня, дружок, — виновато извинилась собака-девушка и побежала за своим хозяином.

А щенок побежал, сам не зная куда. Он так устал от

того своего первого самостоятельного дня, что, обессилив и уже не соображая, где находится, бухнулся на землю прямо возле мусорных контейнеров и сразу же провалился в крепкий сон.

В собачьей стае

Его разбудил сильный толчок в бок. Он открыл глаза и, еще ничего не осознавая спросонья, хотел тут же спрятать свой нос, чтобы опять уснуть, но снова получил в бок.

Ой, ты, тут подыхать не положено! Иди, в другое место, повял? Ты, что не слышишь? — Щенок с трудом раздвинул глаза. Его окружала стая собак: здесь были и старые, и молодые, и еще не окрепшие щенки чуть больше его самого.

А что это такое — подыхать? — спросил щенок.

— А это когда ты очуришься от голода и становишься дохлятиной, чтобы кормить червей своими потрохами, а проще говоря, это когда тебя черви едят. Ну теперь понял, сопляк? А теперь дуй отсюда, — прорычал щенку злобный облезлый пес.

— Мне некуда идти... У меня потерялась мама, я ищу себе маму, вы не знаете, где мне ее найти? — тоненько потявкал щенок.

— Иди ищи ее в другом месте! — зло залаяла стая хором.

— Почему? — удивился щенок.

— Потому что это наши мусорные контейнеры, нам самим не хватает жратвы на прокорм, да еще человеки лезут, тоже жрать хотят, — пролаял Облезлый.

— Пойдите, не гоните его, я возьму его к себе, — вдруг заступился за щенка молодой пес, у которого все тело покрывала короста, а левое ухо было разорвано.

Во, во, веди его к своей мамаше, пусть пригреет еще одного подкидыша, да в добавок подкормит своих голодных блох свеженькой кровушкой, — насмешливо прорычал Облезлый.

Эй, ты, пошли скорей со мной, пока нам обоим не понало! — гаркнул Рваное Ухо и быстро побежал. Щенок — за ним. Догнав Рваное Ухо, он удивленно спросил:

— Почему мы так быстро убежали от них?

— Если бы мы с тобой остались, там бы нам задали трепку.

— А что такое трепка? — не унимался щенок.

— Гм, ты разве никогда не получал трепки? — удивился Рваное Ухо.

— Нет, никогда. А что это такое?

— А вот что это такое. — Рваное Ухо свирепо зарычал и больно треснул щенка лапой, да так, что тот не удержал равновесия и отлетел в сторону.

Ты чего? — обиженно взвизгнул он.

А вот это и есть трепка, понял? Так что старайся больше ее не просить, — поучительно растолковал Рваное Ухо и снова устремился вперед, сопровождаемый щенком.

Куда мы бежим? — немного погодя примирительно спросил щенок.

Сейчас мы с тобой придем на рынок, где торгуют мясом. Ты должен будешь стащить у мясника самый большой кусок и отдать его мне, а потом мы с тобой по-братски поделим его, понял?

Понять-то понял, но вот что такое «стащить», извини, не понял, — честно признался щенок.

А тут нечего и понимать: подкрадываешься к самому большому куску и, пока мясник не видит тебя, хватаешь этот кусок и удираешь.

А если мясник все-таки увидит, что я стащил, я что, должен буду бросить этот кусок?

Нет, ни в коем случае нельзя бросать украденный кусок! Иначе, если поймают, еще больше обозлятся. А так, поймают с куском в зубах и, если человеки добрые, поймут, что ты жрать хочешь; конечно, поколотят для приличия, но и отпустят с куском, — предупредил Рваное Ухо.

Ну вот, мы и пришли. — Рваное Ухо огляделся и быстро нырнул под стол, на котором огромными горами было навалено сырое мясо. Однако щенку было не под силу задрать голову, чтобы разглядеть это мясное изобилие.

Эй, ты чего встал с открытой пастью? Хочешь, чтоб тебя заметили и прогнали? — жарко зашептал под столом Рваное Ухо. — Ползи сюда, пока тебя никто не видит. — Он схватил щенка за ухо и затащил его под стол.

А как воруют это самое мясо? — спросил щенок.

Опять ты задаешь idiotские вопросы! Скажи-ка: ты голодный?

Да, я бы сейчас поел бы чего-нибудь, например, молочка из маминых сосочков, — мечтательно вздохнул щенок.

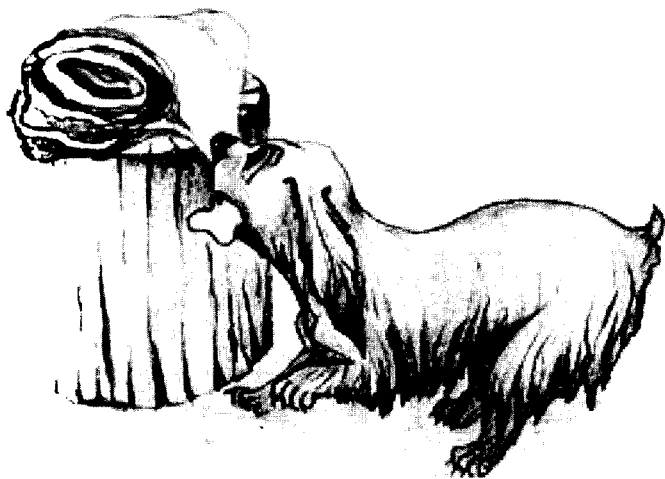
— Ох, ох, какие мы нежные, мамино вымя ему подавай! А вот этого не хочешь? — И щенок вмиг вылетел из-под стола прямо туда, где мясник рубил мясо большим топором. И какой бы болезненной ни была оплеуха, которую ему вlepили, он больше всего боялся разочаровать своего наставника.

— Давай, хватай мясо, пока мясник не спохватился, — шипел из-под стола Рваное Ухо.

— Какое мясо-то хватать, здесь же его много? — растерялся щенок.

— Да какая тебе разница, какое! Бери, которое ближе к тебе. Понял? — злился под столом Рваное Ухо.

И щенок добросовестно вцепился зубами в первый попавшийся кусок. Это была та самая туша, которую мясник собирался разделывать, она уже лежала на деревянном чурбане и один край этой туши низко свесился, и вот в него-то и вцепился наивный щенок. Мясник же тем временем, вытирая грязным фартуком свой потный лоб и ничего не подозревая, взялся за топор и уж было замахнулся, как вдруг раздался дружный хохот толпы. Мясник почувствовал какой-то подвох, оглянулся, ясно понял, что хохочут над ним, и стал озираться, тоже непонимающе улыбаясь. Сначала он оглядел себя, но не увидел ничего такого, что могло бы вызвать смех, однако толпа продолжала гоготать, хватаясь за животы. Тогда он глянул себе под ноги и узрел какое-то мелкое шевеление возле туши. Он пригляделся повнимательнее, и топор выскользнул из его рук. Какой-то крохотный кутенок, намертво вцепившись в тушу и растопырив все свои четыре лапки, пытался стащить ее с чурбана. От натуги щенок поворачивал голову туда-сюда, всем своим видом показывая, что не собирается просто так

отпускать свое мясо.

Ну, если ты ее стащишь хоть чуть-чуть с места, то уж так и быть, отрежу тебе самый большой кус, — улыбаясь, проговорил мясник.

И тут, как бы в насмешку над его словами, туша качнулась и заскользила с чурбана.

Эй, эй, стой, ты что, дурашка, она же задавит тебя! — завопил мясник и вовремя успел подхватить падающую тушу. А зеваки уже стонали от хохота.

Слушай, Макар, не обижай его, на, возьми деньги за кусочек мяса и отрежь кутенку. Видать, голодный он, — сказал один мужчина, протягивая мяснику деньги.

Да я ему и так отрежу, бесплатно, так сказать, за свой счет. И уж не обижу этого храбреца, — пообещал мясник и, взяв нож, щедро отмахнул от туши добрый ломоть и кинул щенку.

Щенок посмотрел на мясника, еще не веря в то, что ему подарили такой большой кусище.

Ты посмотри, какие у этого кутенка глаза, — удивился мужик, предлагавший мяснику деньги за мясо для щен-

ка, — ну прям, как у человеческого дитяти. А ведь он породистый: смотри, какие у него длиннющие уши, такие вроде бы только у гончих или у борзых бывают.

— Сам ты гончая-борзая! Таких пород с отвислыми ушами хоть пруд пруди! — И два мужика, мясник и покупатель, заспорили, забыв на время про щенка.

Ничего с этим не поделаешь, такова уж человеческая порода: спорить на любую подвернувшуюся тему, забыв о своем основном деле. Зато под столом Рваное Ухо исходил гневом и слюной, рыча на щенка:

— Эй, ты, надеюсь, не забыл про меня? Иди скорей сюда, пока у тебя не отобрали этот кусок! Слышишь, что я тебе говорю?

Но растерявшийся щенок бестолково сидел с большим куском мяса в зубах и никак не мог оторвать взгляда от споривших людей. И думал: как же человеки похожи на нас, собак, — та же повадка спорить и драться.

Ты чего, опалел от жадности, решил все сам слопать? Так нечестно! Мы же договаривались с тобой делиться! Эй, слышишь? — шипел под столом, стгорая от нетерпения, Рваное Ухо.

Щенок вдруг почувствовал, как он устал, у него занемели сцепленные челюсти, ему захотелось зевнуть. Но едва он шелохнулся, как из-под стола выскочила какая-то тень, вцепилась в кусок мяса и рванула его вместе со щенком под стол. И это мясо было проглочено в один присест, только тот крохотный кусочек, что был зажат у щенка в зубах, чудом уцелел.

— Гав, гав, гав, — рассердился щенок и вцепился нахальному псу прямо в нос.

— Э, да ты не только жадничаешь, но еще и дерешься! — зарычал на него нахальный.

И щенок мигом вылетел из-под стола от знакомой уже оплеухи, и только тут понял, что это был сам Рваное Ухо.

Щенок проглотил то, что у него оставалось в зубах, и обиженно заскулил.

Да ладно тебе скулить! Сейчас не время! Надо побыстрей уносить отсюда ноги, пока люди не очухались!

рыкнул Рваное Ухо и стремглав вылетел из-под стола, за ним и щенок.

Они неслись, не разбирая дороги. В городе уже вечерело, потянуло осенним холодком. Вдруг Рваное Ухо остановился.

Послушай, малыш, сейчас я приведу тебя в наш ночлег, и там обитает не только моя мать, но и братья, и сестры, да еще всякие двоюродные-троюродные... Может случиться так, что ты кому-то не понравишься.

И что тогда? — насторожился щенок.

Нет, конечно, я тебя похвалю, скажу, что люди дают тебе мясо, но если ты не понравишься очень многим, то тебе не стоит спать в нашем кругу, лучше где-нибудь поблизости. Для твоего же блага... — растеряно промямлил Рваное Ухо. — Ну, ничего страшного в этом нет, будем жить соседями, это тоже очень здорово.

Однако маленькому щенку не очень-то понравилось, что он снова останется один и будет спать без Рваного Уха. Они вбежали на какую-то заброшенную стройку или в развалившийся дом, щенок так и не понял, что это было.

О, смотрите, Рваное Ухо опять кого-то подобрал! — что визгнула рыжая, вся в обвислых клочьях шерсти собака. Мало нам своих, так он еще с улицы ведет!

Ну что ты, дура, сразу лаяться взялась! Сейчас посмотрим, кого это он нам привел, — прохрипел в дальнем темном углу старый немощный пес.

Щенка окружили со всех сторон, его обнюхивали, толкали, а самые наглые даже покусывали, но щенок терпел: ему ужасно не хотелось оставаться одному ночью.

Ладно, пусть идет к старому под бок, все теплее будет,

— смилостивилась рыжая, и тут все загалдели, забыв про щенка.

Зато старому псу повезло — как только щенок оказался возле него, старый незамедлительно приказал ему:

— Ну-ка, малый, помоги мне немного блох погонять, а то совсем заели. Ты что, оглох или спишь уже? — зарычал на щенка старик.

Но щенок так устал, этот первый его день вне подвала был так перенасыщен, что, наверное, равнялся целому году. Он слышал, проваливаясь в сон, как Рваное Ухо хвастался, что будто бы это ему, Рваному Уху, мясник сегодня отмахнул по-дружески здоровенный ломоть мяса. Но спать щенку так и не довелось: крепкий толчок в бок заставил его вздрогнуть.

— Слушай, малый, мы так не договаривались! Если не будешь слушаться меня, тебя выпшвырнут на улицу! — зло рыкнул щенку в ухо старый пес.

Но я же...

Ты здесь пока еще ничего не значишь! Я тебе приказываю: полови у меня блох, а если не хочешь, то ступай обратно на улицу, понял? — хрипло прорычал старик.

И щенок сонный, с полузакрытыми глазами, принялся тыкаться носом в грязный, шелудивый, давно не мытый бок.

Постепенно собачья стая стала успокаиваться. Кое-кто уже спал, было слышно, как собаки чешутся, и тут случилось непредвиденное — то ли оттого, что щенок нанюхался вонючей шерсти старика, то ли от проглоченного впервые кусочка сырого мяса щенка вдруг начало рвать и его живот скрутила ужасная боль.

— Эй, кто-нибудь! В стае появилась дохлятина! — залаял один из псов, заметив, что щенку плохо.

— Ну, кто еще там издох? Неужели старый Барбос? — заволновалась рыжая.

— Да нет же, это ваш сопливый щенок, которого вы мне

подсунули! А старый Барбос еще крепок, он еще поживет ого-го. Да уберите его от меня, иначе меня самого стошнит! взвизгнул старик.

Да ты на себя посмотри, скоро сам будешь такой же дохлятиной, — насмешливо заметил какой-то юный пес.

Вот ты и выброси этого доходягу, если такой умный, занумела вся стая.

Не успел щенок опомниться, как его схватили чьи-то крепкие зубы и вынесли из укрытия на улицу.

Щенка сразу же обхватил холод, но ему от этого стало немного лучше. Мне бы еще попить воды, а то сильно болит живот, подумал щенок. У него и вправду все нутро горело. Благо, что с наступлением осенней ночи стал накрапывать дождь, хотя это и не очень приятно — остаться в осенней ночи под нудным дождем, но для маленького заблудившего щенка не было большей благодати: он быстро нашел лужу, напился холодной освежающей воды, и боль немного утихла. Опустив нос к асфальту, вбирая в себя все запахи, щенок медленно поплелся, не поднимая головы, и вдруг уперся во что-то, и сейчас же его накрыло что-то темное. Щенок так испугался, что весь сжался от страха в маленький комочек, но проходили минуты, а с ним ничего плохого не произошло, даже наоборот: он согревался и капли осеннего дождя перестали на него падать.

Может, этот кто-то очень добрый пожалел его и укрыл от холодной ночи? — подумал щенок. Он полежал так, слушая, как капли дождя скребутся о его невидимое укрытие. Потом решил разузнать: можно ли выбраться из этого столь неожиданно свалившегося на него укрытия. Все-таки лучше бегать везде, нежели всегда сидеть в западне, пусть даже в такой теплой, как эта. Щенок осторожно стал обнюхивать то, что его так неожиданно накрыло, запахло чем-то давно знакомым. Щенок нащупал, как ему показалось, какой-то край и попробовал приподнять то, что накрывало

его. Сначала ему удалось высунуть нос. Тут же запахло ночной свежестью, и дождевые капли радостно запрыгали по носу. Щенок высвободил голову и все понял: просто на него упала картонная коробка. Щенок облегченно вздохнул и, юркнув обратно под коробку и свернувшись там калачиком, сладко заснул.

Злая уборщица и добрый Сергееч

Утро наступило холодное — вчерашний теплый осенний день был последним, поздняя осень решительно вступала в свои права. Щенок выполз из-под коробки, и первое, что он увидел, была недовольно шелестящая стая летящих листьев, холодный заплаканный ветер зло гнал их куда-то прочь. Вперемежку с листьями кружились клочки бумаги, катились, звякая, пустые жестяные банки, звенели стеклянные бутылки. И по асфальту забарабанил дождь, и то были уже не мелкие игривые капельки, а настоящий сердитый осенний дождь. И вместе со всей этой кутерьмой и ледяными брызгами ветер потащил и щенка, и хотя тот и сопротивлялся всеми четырьмя лапами, но таким образом дотащил ветер его до какого-то высокого крыльца, а сам как будто растаял. И дождь закончился, оставив после себя сырость и пронизывающий холод.

Щенок взобрался на крыльцо, сел под козырек перед дверями и стал ждать, сам не зная чего. Но вот двери начали открываться и закрываться: туда торопливо вбегали люди. «Спешат поскорее спрятаться от дождя?» — пред-

положил щенок. Он не знал, что это был один из солидных городских офисов и что все эти люди там работали. Улучив момент, щенок тоже проскользнул между дверей и сразу же оказался в теплом и красивом вестибюле. Он очень растерялся и не знал, что делать дальше. А тут произошла еще одна неприятность: с его шерстки стекла вода и образовалась грязная лужица, да в придачу щенок от волнения еще и нечаянно пописал, отчего совсем растерялся и упал духом.

Это что еще за диво? Кто привел с собой на работу щенка? Ну прям как дети малые: сами грязь таскают, еще и животину за собой тащат. А он вон что натворил: обмочился. А ну пошел вон! — визгнула толстущая уборщица и стала выталкивать щенка за дверь разлохмаченной шваброй. Щенок вцепился зубами в колючую щетину — и давай ее терзать. Уборщица завизжала, будто призывала всех на помощь в войне против маленького щенка. Но и щенок не сдавался, он мотал ни в чем не повинную швабру из стороны в сторону и сердито рычал.

Караул, помогите, напал средь белого дня! Сожрать хочет! — диким голосом заорала уборщица, имея в виду не

себя самое, а свое орудие труда, терзаемое щенком, и, отняв у него швабру, стала отгалкивать щенка своими ножищами в ботах 43 размера.

— И кто же, Анна Степановна, на вас напал, такой кровожадный? — поинтересовался вошедший мужчина, разглядывая внушительную фигуру уборщицы, которую собирались сожрать.

— Да вот полюбуйтесь! — Уборщица принагнулась, ловко подцепила щенка шваброй и поднесла прямо к лицу вошедшего. Щенок не удержался на щетине и стремительно полетел вниз. Вошедший едва успел поймать его руками.

— Так это он хотел вас съесть? Сейчас мы, уважаемая Анна Степановна, с ним разберемся, — улыбаясь, пообещал вошедший.

— Вот-вот, разберись, Сергеич, кто эту гадину сюда приволок, — притворно всхлипнула уборщица.

Вот те на: это же мой старый знакомый! — удивленно воскликнул мужчина.

Щенок насторожился: что-то было знакомо щенку в этом человеке. Булка! «Ну да, румяная хрустящая булка», — вспомнил щенок и стал радостно лизать знакомые человеческие руки.

Надо же, узнал! Вы только посмотрите, он узнал меня, обрадовался Сергеич-булка.

— А кто, по-вашему, будет убирать вот это после вашего знакомого?! — с новой силой завизжала уборщица, тыча шваброй в крохотную, еще не успевшую высохнуть лужицу после щенка.

— Ну, Анна Степановна, у нас для этого, кажется, в штате числится уборщица, — усмехнулся Сергеич-булка.

Анна Степановна, раздосадованная откровенным намеком, затихла и, накинув на швабру тряпку, стала яростно возить ей по полу. А Сергеич-булка со щенком вышел на крыльцо. Он посадил щенка в уголок крыльца и погладил

сто. Щенок радостно заскулил.

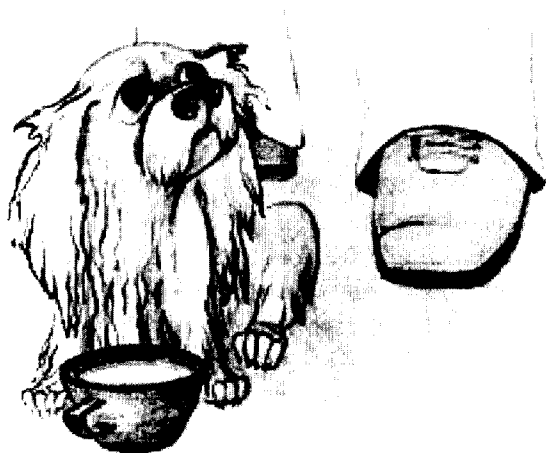
Ну и как же ты меня нашел, и где твои хозяева? Ведь ты же породистый, спаниель, ты смотри, какие у тебя длинные уши! — восхищался Сергеич-булка. И в ответ на человека глянули щенячьи глаза, преданные и осмысленные.

Ты вот что: посиди здесь и подожди меня, я скоро приду. Сидеть! — приказал Сергеич-булка строгим голосом, и щенок замер, словно каменное изваяние. Сергеич-булка отсутствовал недолго. Он вышел, неся чашку молока с крошкой туда булкой.

Ешь и не торопись, — велел он щенку. — А я закончу работу, и мы вместе пойдем домой.

Щенок сунул мордочку в чашку и не вылезал оттуда, пока все не съел, а Сергеич-булка сидел рядышком на корточках и рассуждал:

Так, брат, с тобой все понятно: ты не терялся, просто ты, наверное, ничей, так тоже бывает. Но ты не огорчайся, мы что-нибудь придумаем, вот только закончу работу. Да... Похоже, мне тебя сама судьба послала... Вот как мы с тобой поступим: после работы я заберу тебя домой, сначала пожи-

вещь у меня, а потом отвезу тебя к своему батяне. Знаешь, какой у меня мировой старик, только вот с недавнего времени прихварывает. Будете коротать денечки вдвоем, и ты будешь присматривать за ним в мое отсутствие. Договорились? А сейчас сиди здесь и никуда не убегай. Сидеть! — снова строго приказал Сергеич-булка и зашел в офис.

Щенок доел последние комочки в чашке и хотел уже было подремать, но тут дверь офиса открылась, и на крыльцо выплыла толстуха-уборщица со своей колючей шваброй. Она никак не могла простить то, что ее заставили подтирать лужу после какого-то собачьего заморыша, и жаждала мщения. Она выждала, когда Сергеич оставит своего подопечного, и вышла, чтобы выместить на щенке свое плохое настроение и отомстить за свое унижение, хотя то было не унижение, а выполнение ее прямой служебной обязанности.

— Ну что, гадина, ушел твой защитник? Так, паршивец, нажрался, а теперь мотай отсюда. А ну, пошел! — И она замахнулась на щенка шваброй.

Но щенок не собирался убежать от доброго Сергеича-булки, он только отбежал в сторону и сердито зарычал.

Ах ты, мерзкая лягушатина, ты на меня еще рычать вздумал? Мало того, что меня заставили твою вонючую лужу подтирать, да насмехались надо мной, так ты еще вдобавок и рычишь на меня? А ну, брысь! — И уборщица затопала на щенка своими исполинскими ножищами.

Однако щенок и не думал уходить: ведь ему Сергеич-булка строго-настрого приказал сидеть на месте. Невзирая на команду «Брысь!», щенок весело бегал по крыльцу и оглушительно лаял. Толстой уборщицы он не боялся: чего ж бояться, если у него есть сильный покровитель Сергеич-булка. Зато уборщице совсем было не до веселья: она боялась, что Сергеич услышит, как щенок лает, выйдет на крыльцо и все увидит, а ей очень хотелось, ну просто до слез хотелось прогнать щенка навсегда.

Уборщица гонялась за щенком недолго, к сожалению, ей повезло: когда щенок подбежал к краю крыльца, она изловчилась и смела его своей шваброй. Щенок слетел с высокого крыльца, словно мячик, стукнулся об асфальт и предельно ушибся. Вскочив на лапы, он завизжал так, что даже злая уборщица растерялась. Щенок крутился вокруг себя и визжал, будто плакал, и он действительно плакал, потому что сильно зашиб лапку. Потом он затих и жалобно посмотрел на уборщицу.

Уйди, зараза, ишь ты, разжалобить меня хочешь. Не выйдет! Пусть твой Сергеич тебя гладит и сюсюкает! Если найдёт, конечно, — ядовито добавила уборщица. — А ну, пошел! — И, махая на махонького беззащитного щенка шваброй, злющая толстущая тетка безжалостно погнала его прочь.

Бедный щенок бежал, прихрамывая на ушибленную лапку, и думал, что все равно вернется сюда. Однако он убежал слишком далеко от офиса и уже не сумел его найти, ведь город большой, а щенок пока еще был маленьким и несопытным. Щенок не знал, что после того, как он убежал от офиса, Сергеич-булка вышел посмотреть его, но нигде не нашел, лишь подобрал недалеко от крыльца перевернутую пластиковую чашку, из которой кормил щенка, и, догадываясь, что произошло, зашел в офис и молча кинул под ноги мстительной уборщице пустую чашку. И пристыженная Анна Степановна виновато поняла, что она теперь не посмеет даже рта раскрыть, тем более что у Сергеича всегда безупречно чистые ботинки.

Наступал вечер, люди спешили к себе в уютные теплые квартиры, и никто из них не обращал внимания на бегающего по городу маленького щенка, а он то за одним прохожим побежит, то за другим, пытаясь заглянуть в глаза. Он пытался спросить у этих умных и вроде бы не совсем уж чуждых людей, почему в таком большом городе нет теплого

сухого уголка для маленького щенка — для него.

Набегавшись так, щенок промок, что говорится, до нитки и решил поискать себе прибежище, где бы ему было переночевать, спрятавшись от дождя и ветра. Но картонных коробок нигде не было видно, их еще днем собрали и увезли на переработку, да и в осенней темени много ли найдешь. Тычась носом туда-сюда в темном городском парке, щенок нашел под скамейкой старую, кем-то брошенную или забытую сумку, залез в нее и сразу стал согреваться. Мерзкий осенний дождь на него уже не лил, да и ветер его не доставал. Так он проспал всю ночь.

Сложный день и странные люди

Проснулся щенок оттого, что кто-то совсем близко от него громко разговаривал.

Ты точно, Егорыч, вчерась тута ее оставил? — спрашивал один.

— Дык мы с тобой вместе здесь пузырь распивали, — бубнил второй. — Куда она могла затеряться... Можь, кто подобрал... А старуха-то меня ж домой не впустит, если я ее чертову сумку не найду.

— Егорыч, да вот же она, смотри!

И чьи-то руки схватили сумку вместе со щенком так, что тот закачался, как в люльке. Щенку это не очень-то понравилось, и он насторожился.

— Сльшь, Егорыч, а она чтой-то тяжелая, можь, мы с тобой вчерась здесь еще один пузырь забыли, иль ты его от меня припрятал?

Ничего я там не прятал. Отдай-ка ее сюда.

И тут к щенку в сумку полезла грубая волосатая рука, и тот, возмущенный такой наглостью, недолго думая, взял да и тынул ее. Ничего не подозревающий мужик от неожиданности подпрыгнул и заорал: а-а-а-а!

Ты чего, Егорыч? — не понял его напарник.

А-а-а, в ней какая-то змеюка сидит и меня за палец ужалила! — ревел мужик.

Так вытряхни ее.

Вот сам и вытряхивай!

Ну и вытряхну, подумаешь, змеюка! — Сумка перевернулась кверху дном, и из нее вывалился щенок.

Убью заразу! — заревел мужик и занес над щенком полосатый кулачище.

Погодь, Егорыч, не горячись, — остановил его напарник. Это ж спаниель, это такая собачья дорогая порода. Сейчас мы его отнесем на рынок: знаешь, нам какие деньжищи отпаяют, сможем тогда целый месяц водяру пить.

Вот ты и неси его на рынок, а с меня и одного пальца хватит, — огрызнулся Егорыч.

Но щенок уже был не в сумке. Этого как раз два друга и не учли: едва Егорычев напарник протянул руки, чтоб схватить щенка, как тот ловко увернулся от его рук и пустился наутек. Напарник ринулся за ним.

Егорыч, помогай ловить эту тварь, а то убегут наши деньжищи! Егорыч, жми ему наперерез, а то уйдет, гад!

Егорыч, перепрыгивая через все скамейки, которые ему попадались на пути, бежал резвее своего напарника. Волшебное слово «деньжищи» придавало ему силы, так как он вчера легкомысленно прокутил все деньги, выданные ему супругой для покупки на рынке продуктов по списку. И вот, оказывается, можно за счет этой маленькой твари разбогатеть. А щенок, видя, что к нему бегут сразу с двух сторон, резко остановился и сел. Егорыч с напарником тоже

остановились, но потом, обрадованные, ринулись к щенку с растопыренными руками. Однако щенок в последнюю секунду искрой проскочил между двумя мужиками, и те, с разбега налетев друг на друга, повалились. В парке послышалась такая брань, что прохожие останавливались и с любопытством смотрели, как два нетрезвых мужика лежат на спицах и беспомощно дрыгают ногами и руками. А щенок убежал в дальний конец парка и, забившись под скамейку, затаился.

Но долго он там не поскучал: к скамейке вскоре подошла пожилая женщина с коляской, в которой сидел малыш и внимательно рассматривал окружающий мир круглыми удивленными глазами. Женщина уселась на скамейку и стала забавлять малыша погремушкой, приговаривая «мой внучок Темочка, мой любимый мальчик, мой птенчик, мой зайчик», потом достала бутылочку с молоком и дала ее внуку. Щенок, увидев молоко, не вытерпел, вылез из-под скамейки и потянулся заглянуть к малышу в коляску. Малыш, увидев щенка, улыбнулся беззубым ртом и радостно протянул ручонку.

Нельзя, ишь ты какой! Это молочко для Темы, — пояснила Темина бабушка, погрозив щенку пальцем.

Но щенок не отступал и все равно лез в коляску к мальчнну, потому что ужасно проголодался, ведь сегодня он еще ничего не ел. Темина бабушка посмотрела в голодные глаза щенка и сочувственно вздохнула:

Ну, хорошо, подожди, я посмотрю у себя в сумке, если что найду, то, так и быть, угощу тебя, только больше не лезь в коляску к Теме, ладно? — Она раскрыла сумку, поискала там и выгатила для щенка сочную сосиску. — На, ешь на здоровье. — И, встав со скамейки, покатила коляску с мальчнном дальше.

Щенок, управившись с угощением, побежал по дорожке, по которой ушла бабушка с коляской, но, пробежав немного, остановился. Он увидел, что сидевший на самой крайней лавочке мальчишка с аппетитом пьет молоко прямо из надорванного пакета. Щенок подбежал к нему и просительно заскулил.

Что, молочка хочешь? Иди сюда, — пригласил мальчишка и похлопал рукой по лавочке.

Но сколько щенок ни пытался запрыгнуть, у него это не получалось: ведь лавочка была для него слишком высокой.

Что, не дорос еще? — ухмыльнулся мальчишка и поднял щенка сам. — Ну, открывай свою пасть, — сказал он и каннул на мордочку щенка молоко из пакета.

Щенок облизнул молоко, и дело пошло. Напившись молока, оба еще немного посидели на лавочке, но тут осень снова распахнула свои тучи, и снова зарядил дождь. Щенок, спрятавшись под куртку мальчишки, все равно промок и дрожал от холода. И он чувствовал, как по худому мальчишничьему телу тоже пробегает дрожь.

Вот что, пошли где-нибудь спрячемся от дождя, — предложил мальчишка и, выпустив щенка из-за пазухи, заторопился из парка. Щенок побежал за ним.

А осень будто старалась изо всех сил именно сегодня смыть последние яркие краски в этом и без того неуютном городе, насквозь продуваемым ветром. И поэтому на улице было так безрадостно. Мальчишка, подняв воротник куртки, забежав в подъезд дома, запустил за собой щенка, и они уселись возле холодной батареи. Щенок по-хозяйски залез мальчишке за пазуху, и они попытались хоть чуть-чуть согреть друг друга. Они даже начали подремывать, умиротворенные: в подъезде хоть и холодно было, но зато дождь не лил и ветер не сек.

Но тут появилась дворничиха, подошла к мальчишке и затрясла его за плечо:

— Эй, Василиса, ну-ка вставай, иди домой к матери! Ты ее когда-нибудь на тот свет загонишь своим бродяжничеством. Мать вся испереживалась, а ей хоть бы что. Пожалела бы мать! И что за мода одеваться как мальчик? Ты же девочка! Да еще собачонку притащила, — возмущалась дворничиха, заметив выглянувшую из-за пазухи щенячью мордочку.

— Не пойду к ней! У нее теперь есть новый ребенок, вот

пусть его и воспитывает, а я как-нибудь и без нее проживу, буркнула Василиса.

Как это ты без матери обойдешься? Не дури! Вон скоро совсем невестой станешь, тебе материнская помощь ой как пужна будет. Ступай-ка домой, так-то будет лучше, чем по подъездам скитаться.

Сказала, не пойду — значит, не пойду!

И Василиса, вывернувшись из рук дворничихи, выбежала на улицу, не выпуская щенка. И сейчас же на них обрушился ледяной дождь, даже щенок у нее за пазухой сердито заворчал.

Ты тоже хочешь сказать, что я не права? — спросила она щенка.

Гав, гав, гав, р-р-ры-ы-ы!!! — еще громче заворчал он.

Хотела бы я знать, что это значит, — вздохнув, проговорила Василиса.

А щенок подумал: вот глупая, нашла, на что обижаться на то, что у мамы появился еще один мальш, этому же только радоваться надо. А ты, дурочка, сбежала в осеннюю промозглость.

Девочка Василиса со щенком за пазухой шла, опять сама не зная, куда. Щенок снова промок и весь дрожал, дрожало и худенькое девчоночье тело, и она поплотнее запахнула курточку, которая совсем не защищала их от холода. Она просто шла, размазывая слезы вперемишку с дождем, не смущаясь: ведь все равно никто не видел, что она плачет.

Внезапно возле них, взвизгнув тормозами, остановилась машина. Из нее выскочили два человека, схватили Василису, бряня се за то, что ушла из дому и болтается по улицам в такую погоду, хорошо, что дворничиха подсказала, где ее искать. Сопrotивляющуюся Василису затолкали в машину и увезли. Она только и успела выкинуть щенка под пазухи. Щенок, отбежав на несколько шагов от того места, сел на дороге.

На щенка всюду лил дождь, его насквозь продувало ветром, но он сидел и думал. Как странно бывает: вот он потерял маму и поэтому ушел из того подвала, где жил и родился, этот подвал без мамы ему показался темным и холодным. Но там он был бы укрыт от дождя и пронизывающего осеннего ветра, и кто знает, если бы он не убежал так далеко от того места, у него было бы, куда спрятаться от непогоды. И не сидел бы он сейчас под дождем, и совсем уж странно было бы добровольно уйти из дому в такую погоду, когда дома ничего худого нет, и за тебя там волнуются, и, тем более, переодеться в мальчишку, когда ты на самом деле девочка. Просто Василисе надо было перетерпеть глупую обиду и все, ведь этот малыш, что появился в доме, — это так же и Василисин малыш. Щенок вздохнул и опустил голову.

— Ты чего мокнешь под дождем, ну-ка иди сюда, под навес, заболеешь ведь так, иди, миленький, сюда, иди, — позвала щенка сердобольная старушка в очках. — Ты, видать, потерял своих хозяев. Ну ничего, они, наверно, где-то здесь недалеко. Подожди немного, они тебя хватятся и найдут.

Это была конечная остановка пригородного автобуса. Людей, едущих в пригород, было много, в основном это были те, что торговали на рынке, и те, что работали в городе, а жили в пригороде. Подошел автобус, и люди спешно начали в него заходить. Тут щенку показалось, что в автобус зашел Сергеич-булка. Щенок рванулся с места, подбежал к автобусу и вопросительно заскулил.

— Что, тоже куда-то опаздываешь? — спросил, смеясь, подбежавший к автобусу парнишка и заботливо посадил щенка в салон автобуса.

Щенок забился под сиденье и затаился. Автобус тронулся. Щенок намеревался отыскать здесь Сергеича-булку, ведь ему показалось, что он сюда зашел. Но его быстро укачало, и он уснул.

Теплый дом в поселке

Проснулся щенок от поднявшегося шума: это прибывшие в поселок покидали автобус. Выпрыгнул и щенок. Люди разошлись по своим домам, остановка опустела, и лишь щенок бегал-прыгал по незнакомой ему дороге.

Но вот по дороге пробежала большущая собака, за ней шел человек.

Так, Пират, ты ступай домой, а я приду попозже, сперва зайду к Михальчу: узнаю, как он там, и приглашу к нам на ужин. — И человек, свернув с дороги, зашел в калитку.

А Пират побежал к другой калитке. Щенок последовал за ним. Пират легко толкнул калитку и вбежал во двор. Калитка за ним захлопнулась, и щенок, сколько ни старался, не смог ее открыть.

На улице совсем уже стемнело. Щенок свернулся в комочек тут же, возле калитки, на пожухлой траве, и вздремнул. Но тут до его слуха донесся шорох травы, и щенок увидел, как в ограде один штакетник отъехал в сторону и оттуда вышла кошка и пошла по своим кошачьим делам, ни кашельки не обращая внимания на лежащего здесь щенка. Когда кошка скрылась, щенок подумал: дай-ка и я попробую так. Он толкнул носом штакетник, но тот не поддался. Не тот, огорчился щенок. Тогда он тронул другой, третий и, наконец-то, нашел тот самый, отъехавший и впус-тивший его во двор.

Двор был пуст, лишь в доме светились окна, ярким теплым светом, и было видно, как жильцы готовятся к ужину. И щенка непреодолимо потянуло в эти освещенные комнаты, и можно было подумать, что этот бродячий щенок когда-то уже жил в таких. Щенок оббежал двор и наткнулся на низенький домишко. Он заглянул туда — никого. Пробравшись в домишко, он обнаружил там теп-

люю суконную подстилку и, забившись в уголок, устало задремал, не подозревая, что улегся в личной будке того самого Пирата. Через некоторое время щенок сквозь сон услышал у себя над самым ухом недовольное рычание и пошевелился.

— Эй, приятель, ты, кажется, не в свою конуру попал. Ты кто такой и откуда взялся? Чего разлегся? У нас, у собак, не полагается делить с кем-то свою персональную будку, — сердито прорычал Пират.

— А, я, я... ваш гость! — волнуясь, протыкал щенок.

— Что-то не припомню, чтобы я тебя приглашал к себе в гости! Ты не гость, ты захватчик, и притом наглый! — возразил Пират. — Ну-ка признавайся: зачем залез в мою конуру?

Щенок испугался и вкратце рассказал Пирату, что с ним произошло.

— Ну, с тобой теперь все понятно. Тебя просто надо к кому-то пристроить жить, ну, чтоб у тебя был свой хозяин, принял решение находчивый Пират. — Моему хозяину ты уж точно не понадобишься, у него же есть я. Слушай, а давай я тебя пристрою к нашему соседу Михальчу, у него-то нет собаки.

— А вдруг я ему не понравлюсь, и он меня выгонит? — засомневался щенок.

— Михальч никого не выгонит, он добрый, а вот мой хозяин может тебя выгнать, ему две собаки ни к чему. А теперь пошли, — повелел Пират и выбежал из будки, за ним следом и щенок.

Пират нырнул в дыру ограды, щенок за ним, они перебежали чуть видимую в вечерней темени тропку, и Пират снова нырнул — уже в дырку чужой ограды.

— Лезь сюда, — гавкнул Пират. Щенок послушно залез в дырку. — Ну, оставайся, всего хорошего, — прогавкал Пират на прощанье и предательски смылся.

Щенок обследовал весь двор, но такой будки, как у Пирата, в этом дворе не обнаружилось. Да и окна в доме не горели, видимо, хозяина к тому же не было дома. Щенок забрался на небольшое крыльцо, покрутился на нем и смело подошел к двери, странно, что она была приоткрыта. Щенок потянул носом воздух — и на него повеяло теплом и еще чем-то давно забытым, так, по крайней мере, ему показалось.

Он пролез в дверную щель и попал в сени, здесь он тоже все обнюхал и наткнулся еще на одну дверь, которая тоже была чуть приоткрыта, щенок и туда проник. Здесь так же, как и во всем доме, было темно. И это была прихожая: там стояла обувь и висела верхняя одежда. Щенок покрутился: кругом сквозь темноту неясно проступали незнакомые вещи и пугали щенка. Он осторожно обнюхивал то, что ему попадалось под нос, и наткнулся на что-то мягкое и ворсистое. Сначала он трусливо отпрыгнул, но потом снова подошел и, осмелев, забрался на это мягкое ворсистое и уснул.

Сергей Михальч возвращался от соседа и думал: завтра должен приехать сын Димка, как же он соскучился по нему. Уже месяц Димка сулит навестить отца, да все никак не может вырваться из своего офиса, все дела да дела. Но завтра обещался непременно прибыть, звонил, сказал: «Буду железно»...

Сергей Михальч приостановился: опять заныло в груди слева. Эх, кабы не эта сердечная болезнь, подумал он, разве бы я ушел с работы? Вот подлечусь и сразу же вернусь на свое рабочее место. Он сунул руку в карман, положил под язык таблетку, и боль слегка отпустила. Он зашел на крыльцо, открыл двери, зажег в прихожей свет, хотел переобуться в тапочки и замер от удивления: на его тапочках спал крохотный лохматый щенок.

Как он сюда попал? — задал сам себе вопрос Сергей

Михальгч. — Неужели Димка приехал и решил подшутить надо мной? — Дима, Димка, ну-ка выходи, шалопай, хватит прятаться, — позвал Сергей Михальгч сына, но в доме было темно и тихо.

Сергей Михальгч обошел все комнаты, но сына нигде не было, да и непохоже было, что он приехал. Да и зачем ему прятаться, не пацан ведь, а взрослый дядя. Тогда откуда взялся этот щенок, — недоумевал Сергей Михальгч. — Видимо, кто-то подбросил. Но зачем надо было именно подбрасывать, могли бы и предложить. И кто же это такой щедрый — таких породистых щенков на рынке продают за большие деньги, а тут даром, выходит, подкинули. Ну что ж, будем знакомиться, — решил Сергей Михальгч. Он подошел к щенку и хотел погладить его, но щенок сердито зарычал на него.

— Вы ко мне, господин хороший, без ведома в гости пришли, да еще на меня и сердиться изволите! Ну, ну, не сердись, лучше скажи, как ты сюда попал? — присев на корточки перед щенком, спросил Сергей Михальгч.

Взъерошенный щенок недоверчиво смотрел на хозяина дома, потом вдруг тоненько заскулил.

— А вот плакать ни к чему. Если ты ко мне пришел жить, то давай будем жить дружно. Я тебя сейчас угощу, ты, наверно, голоден.

Сергей Михальгч пошел на кухню, взял из буфета миску, налил туда молока и покрошил белую булочку. Щенок все шустро выхлебал, а потом облизал миску так, что та заблестела.

— Какой ты молодец, — похвалил Сергей Михальгч.

Щенок растрогался, разволновался и от волнения опять пописал на пол.

— А вот этого тут делать нельзя, — показав на лужу, сказал Сергей Михальгч и погрозил щенку пальцем. — Пойдем со мной. Пойдем!

И Сергей Михалыч, открыв двери, поманил щенка за собой. Щенок послушно побежал за ним.

Иди вон туда и там делай свои дела. — Показав щенку место за домом, Сергей Михалыч не ушел в дом, а стоял и ждал, пока щенок справит свою нужду.

Сначала щенок подумал, что его опять выгоняют, но, увидев, что хозяин стоит и ждет его, быстро понял, что от него требуется, пошуршал в увядших опавших листьях и побегал к хозяину.

Ну что, управился? Вот молодец, вот умница, — Сергей Михалыч поглаживал щенка, а тот довольно вертелся и ласково повизгивал.

Такой хороший человек... Ласковый, как мама... Ну, прям как Сергейч-булка, вдруг вспомнил щенок и доверчиво посмотрел на своего нового хозяина. Они вернулись домой. Сергей Михалыч принес щенку теплый коврик, постелил его в прихожей и сказал, указывая на коврик:

Вот здесь ты будешь спать, это твое место. Место! —скомандовал Сергей Михалыч, и щенок послушно сел на коврик.

Ну, вот видишь, какой ты умница, теперь остается решить, как тебя назвать. Может, у тебя уже было какое-то имя, да я его, к сожалению, не знаю. Придется тебе еще одно имя присвоить, — задумчиво произнес Сергей Михалыч.

Он почесал затылок, посмотрел на темное окно и задумчиво произнес:

Осень на дворе... А что, если я тебя назову Оська — в честь осени? Нравится тебе такое имя? Ну-ка, Оська, Оська, — позвал щенка Сергей Михалыч.

Щенок вытянулся в струнку — да как затылкает, да так звонко и заливисто!

А ты, оказывается, у меня совсем уже взрослый, — ласково потрепал щенка Сергей Михалыч. — Ну ладно,

Оська, пора спать ложиться. Завтра придет мой сын Димка — вот будет радость.

И, наконец, после долгих хлопот выключили электричество и легли спать. А за окнами шелестели опадающие листья, трепетали оголяемые ветви, барабанил противный дождь, что-то насвистывал неугомонный ветер... И для бродячего щенка, обретшего свой дом, все было в эту ночь непросто. Ему снились пережитые кошмары: то осень бежала за ним с метлой в грязном фартуке из рваных опавших листьев, то большие машины катились прямо на него, то перед ним вырастали непреодолимые ступеньки, высоченные как горы. Щенок во сне вздрагивал, постанывал и даже повизгивал. Сергей Михальш несколько раз вставал, чтобы успокоить его. Но сколько бы кошмарная ночь ни длилась, после нее все равно наступает день, и он бывает намного лучше.

— Оська, Оська, ну-ка вставай, засоня, — хозяин ласково потрепал щенка по головке и почесал ему за ушком.

Щенок потянулся, зевнул и проснулся.

— Ну, дружок, сегодня будем встречать Димку, моего шалопая. Иди завтракай, а я пока схожу в магазин. И ничего здесь не бойся: это же твой дом, — подбодрил хозяин щенка и ушел.

Оська с удовольствием съел полную миску сваренной хозяином вкусной каши и начал таскать по комнатам хозяйскую обувь. Ему почему-то показалось, что так хозяину будет удобней отыскать нужные ему обувки. Хозяина очень долго не было, и Оська притомился и заснул.

А хозяин в это время в магазине расспрашивал людей, не потерял ли кто щенка спаниеля, но никто такового не терял. Сергей Михальч окончательно убедился, что щенок бездомный, весьма обрадовался сему обстоятельству и, купив всякой снеди, вернулся домой. Увидев, что Оська разбросал по комнатам обувь, разбудил его и немножечко

никак, пошлепав и потеряв за ухо. Потом принялся хлопотать по дому, а Оська все равно упрямо таскал за ним одну из тапочек: так он пытался загладить свою вину перед хозяином.

Оська, ну не нужна мне сейчас эта тапка! — возмущался Сергей Михальч и с улыбкой водворял тапочку на его место в прихожей.

Так в заботах-хлопотах незаметно прошел и этот день. К вечеру хозяин зажег фонарь на крыльце и каждые десять минут подходил к окну, тревожно вглядываясь в осеннюю тень. Даже Оське стало интересно, что же там такого высматривает хозяин, и он начал беспокойно тявкать. Но вот к дому подъехала машина. Обрадованный хозяин вышел отпереть ворота, Оська увязался за ним.

Сиди здесь, а то ненароком попадешь под колеса, — строго наказал Сергей Михальч и пошел встречать своего гостя.

Оська остался дожидаться на крыльце. Послышались шаги, и Оська увидел, что хозяин ведет с собой какого-то мужчину. Но едва шедшие попали в полосу оконного света, Оська радостно визгнул и кубарем скатился под ноги приехавшему. Мужчина удивленно поднял его на руки и поднес к светящемуся окну.

Отец, ну не может быть такого, это же мой подарок судьбы, я его несколько раз в городе встречал, потом он ко мне в офис прибежал! Я намеревался его тебе привезти, да наша злока-уборщица его прогнала. И все-таки: как он у тебя оказался? — изумляясь, спрашивал Дмитрий Сергеевич у отца, а для Оськи это был тот самый Сергеич-булка.

Знаешь, Дим, сам теряюсь в догадках. Пошел к соседу на полчаса, прихожу и вижу: этот щен спит на моих ганках. Кто подбросил, до сих пор не знаю, — пожал плечами Сергей Михальч.

В этот осенний вечер в этом добром доме удивлению не

было конца. Потом отец и сын сидели за столом, пили горячий чай, а Оська лежал на коврике в прихожей и думал. Думал, что, если надо будет, он отдаст без промедления свое храброе сердечко, лишь бы никогда не погас свет в этом доме, и не исчезло это тепло, и были бы рядом эти дорогие ему люди.

«Никому-то я вас теперь не отдам, мои милые, мои любимые... И обижать вас никому не позволю... Потому что я точно знаю: если исчезнет этот замечательный, славный, родной дом, он уже никогда-никогда не повторится...»

Так думал маленький щенок Оська, лежа на коврике в прихожей.

Новокузнецк, 2006.

ПРО РЫЖУЮ ТАЮШКУ

Повесть для детей и их родителей

Новоселье

Ранним утром, когда на улице только-только началась повседневная суета и люди заспешили кто куда, к новому, недавно выстроенному знанию подошла грузовая машина с новыми жильцами. Из открывшегося окна кабины высунулся шофер и прокричал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Этот дом за номером десять дробь два, подъезд четыре?

— Ну да, это тот самый дом и подъезд четвертый, — ответила дворничиха.

— Тогда все правильно, — сказал шофер, открыл дверцу кабины и спустил оттуда на землю девчушку лет шести.

Что это была за девчушка! Все ее лицо было густо усыпано веснушками, будто кто-то нарочно брызнул на личико золотой кистью. А головку венчала закрученная на макушке рыжая косичка — словно маленькая корона королевы.

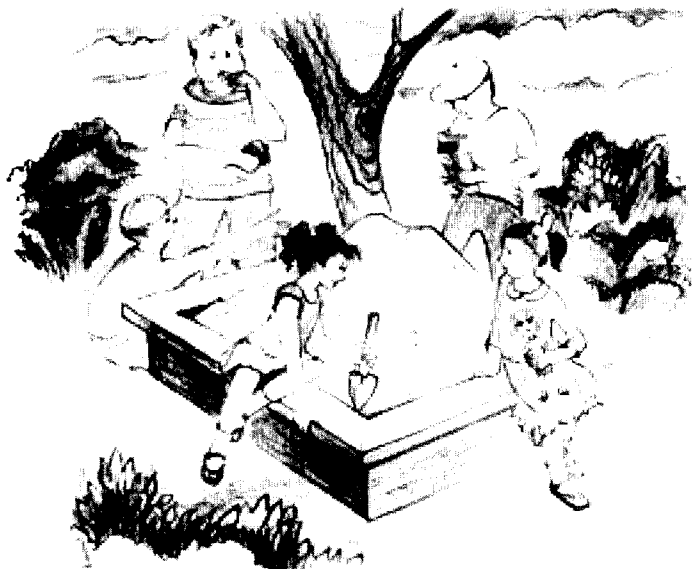
Дворничиха даже зажмурилась. И, вытерев руки о фартук, тронула рыжие волосики и спросила:

— Ты и вправду такая золотая?

Девчушка широко улыбнулась, приветливо поздоровалась, но на вопрос не ответила — она и сама не знала, вправду ли она такая золотая.

На другой день эта девочка уже играла со всеми ребятами в песочнице и оказалась очень задиристой и упрямой. Обычно того, кто не такой, как все, всегда дразнят, но дразнилки, придуманные для Таюшки (так звали рыжую девочку), вскоре пришлось отставить. Дело в том, что Таюшка умела постоять за себя и была ужасно задириста.

Однажды она затеяла шумную разборку из-за куклы. Кукла принадлежала кокетливой девочке в бантиках и

выглядела так же нарядно и кокетливо, как и ее хозяйка. Девочка в бантиках опасалась доверить свою нарядную красавицу шаловливой Таюшке, а та во что бы то ни стало хотела ее побаяковать. Таюшка потянула куклу к себе, девочка не отпустила. Таюшка дернула и нечаянно вырвала у куклы ногу. Однако девочка не отдавала и одноногую куклу, и развоевавшаяся Таюшка, не желая сдаваться, унесла ногу в беленьком носочке и синенькой туфельке к себе домой.

— Ну и зачем она тебе нужна, нога без куклы? — спросила Таюшку мама. — Что проку в оторванной кукольной ноге?

— Нога тоже красивая, — возразила Таюшка.

— Что за ребенок? Откуда такая воинственность? — развела руками мама. — Тебе надо было мальчиком родиться с такими повадками...

Да уж, эта Таюшка далеко не во всем была золотой.

Злополучный бутерброд

Однажды — дело было в субботу — все дети вышли к песочнице чистенькими, искупанными, принаряженными. И среди всей этой компании выделялся один весьма упитанный мальчик, который жевал, причмокивая, большой бутерброд с копченой колбасой. А на него во все глаза смотрел, высунув язычок, голодный дворовый щенок.

— Дай маленький кусочек, — попросила подошедшая Таюшка.

— Еще чего, свой надо было из дома брать, — возразил толстый мальчик.

— Да я не для себя, я для щенка, — пояснила Таюшка.

— А тебе я потом сразу два бутерброда принесу.

— Вот иди и носи из дома сразу два бутерброда для щенка. — И толстяк демонстративно откусил от бутерброда.

— Моей мамы сейчас нет дома, — сказала Таюшка примирительно, — иначе я бы у тебя не просила.

— Сказал «не дам», значит, не дам! Я не буду делиться с бездомной собакой своим бутербродом! — разозлился толстяк и отвернулся.

— Ну что тебе стоит дать щенку хоть маленький кусочек? — не отступала Таюшка.

— Уйди, конопатая, а то...

Не успел толстяк проговорить обидное слово, как получил звонкую оплеуху. И покатались по грязному асфальту в чистых одежках рыжая Таюшка с толстым мальчишкой. Бутерброд у толстяка выпал из рук, и щенок его тут же проглотил, а сам пустился наутек.

— Ха-ха-ха, так тебе и надо, жадина! — залилась смехом Таюшка.

— Ах, так? Вот тебе, получай! — И толстяк, победно усевшись верхом на Таюшку, вцепился ей в рыжие волосы.

Отпусти, больно! — Таюшка попыталась высвободиться из-под увесистого мальчишки, но безуспешно; тогда она в отместку трижды ущипнула его за толстый бок и прохохотала:

Ха-ха-ха, бутерброд убежал от жадины!

Не ври, вруша, бутерброд не сам убежал, его утащил нойй паршивый пес! — орал мальчишка, сидя верхом на Таюшке.

А щенок, успевший за это время проглотить бутерброд, нонко тьякал, прыгая вокруг дерущихся. Неизвестно, чем бы закончилась эта драка, если бы к ним не подошел пацан постарше. Он легко снял толстого мальчишку, победно восседавшего на Таюшке, затем поднял и саму Таюшку.

За что он на тебя так набросился? — спросил пацан у Таюшки.

За то, что я попросила у него немного хлеба с колбасой вот для этого голодного щенка, — объяснила Таюшка не переставая громко хохотать.

Она врет, она не просила, она отобрала у меня бутерброд! — заорал толстяк и снова чуть не свалил Таюшку сутаком.

Но тут показалась возвращавшаяся из магазина Таюшкина мама. Увидев дочь, окруженную мальчишками и, как всегда, шумно воинствующую и размашисто жестикулирующую, да притом в измазанном выходном платье, она ужасе схватила Таюшку за грязную ручонку и молча погнала ее домой.

Ну, сейчас ей будет, — позлорадствовал толстяк и тут же получил подзатыльник от старшего пацана, заступившегося за Таюшку.

Стоя в углу, Таюшка фыркала от смеха, вспоминая, как толстяк роняет свой бутерброд, а щенок в одну секунду проглатывает его.

— Фыр, какой неуклюжий толстяк! Ему надо было сразу затолкать весь оставшийся бутерброд в рот, а он положил его на ладонь, да еще пальцы свои жирные растопырил, вот и достался бутерброд тому, кто его очень хотел! Фыр-фыр!

— Она еще и смеется! — возмутилась мама, услыхав Таюшкино фыркание в углу. — Какая бесстыжая дочь у меня растет!

— Мамочка, я же не отбирала у него этот бутерброд, я просто попросила у него маленький кусочек для голодного щенка. А он, ха-ха, положил его на ладонь, да еще растопырил пальцы! Ой, ха-ха-ха!

— Щенок можно угощать только своими бутербродами, — сказала мама. — Теперь все соседи будут говорить, что моя дочка растет бандиткой. И вот еще что: ты сегодня же отдашь оторванную у куклы ногу. Ну зачем тебе, спрашивается, оторванная от чужой куклы нога?! Этой девочке, наверно, очень хочется поиграть с этой куклой, а у той нет ноги, — говорила мама, сердясь.

— Ну, мамочка, не сердись! Если хочешь, я этому мальчику сразу два бутерброда завтра отдам, — уткнувшись головой матери в колени, примирительно прошептала Таюшка.

— Ты у меня, Тая, похожа на одну маленькую, глупенькую, непослушную ведьмочку, которая, вылетев без разрешения из леса, поселилась на чердаке у одинокой бабушки и нажила себе кучу неприятностей.

— Мамочка, а ты мне расскажешь про эту маленькую ведьмочку? — с надеждой в голосе спросила Таюшка.

— Я расскажу тебе эту сказку, но только с одним условием: ты сегодня же пойдешь и исправишь свои ошибки, — потребовала мама. — И запомни еще одну вещь: нельзя у человека отбирать его кусок хлеба. Тебе надо было дожидаться меня, и тогда ты бы вынесла щенку хоть три бутер-

брюда, но свои. А сейчас ты пойдешь и попросишь у этого мальчишка извинения и отдашь оторванную у куклы ногу.

Хорошо, мамочка, я сделаю все, как ты просишь, — согласилась Таюшка и побежала исполнять свои обещания.

Через десять минут в прихожей раздался звонок, и Таюшкина мама пошла открывать дверь.

Господи Иисусе, что это? — с ужасом проговорила мама, взглянув на возникшего перед ней чумазого взъерошенного ребенка. Тая, это ты? — спросила мама, с трудом узнавая в этом растрепанном чумазенке свою дочь.

Вздохмаченная, вся перепачканная песком и кровью, рыкая головенка утвердительно кивнула, что означало: «Да, но я, твоя дочь». Мама оглядела свое чадо с головы до ног: на ее ребенке не было живого места, голубенькое платьице, одетое всего десять минут назад, украсилось грязевыми разводами, из разбитых коленок сочилась кровь, из седины на лбу тоже сбегала струйка крови.

Таюша, что случилось?! — мама легонько дотронулась по голове дочери.

Мамочка, он первый начал, я не виновата... — тихо проговорила Таюша, с трудом шевеля разбитыми губами.

Ну почему других девочек не бьют, а бьют только тебя? Горюшко мое! — вздохнула мама и запустила свое любимое горюшко в квартиру.

Тела в постели, когда все ссадины и царапины уже были обрыбоганы и смазаны зеленкой и ноющая боль в теле стихла. Таюшка невольно стала размышлять (чего раньше за ней не наблюдалось).

И правда: почему сегодня так нелепо все получилось? Она же вышла, чтобы попросить извинения, а этот толстяк цапнулся на нее и начал драться. Наверно, мама права:

она, Тая, совсем нехорошая. Но почему ж такая уж нехорошая? Ну что в ней такого плохого? Девочка как девочка, и косичка золотая у нее есть и... И она ведь пытается быть хорошей! Но что-то ей мешает... Надо бы расспросить маму: что же все-таки мешает быть хорошей?

— Ну что, Таюша, успокоилась? — спросила мама, присаживаясь на край постели.

— Мам, я, наверно, и вправду нехорошая девочка, если все меня бьют?

— Знаешь, почему сегодня с тобой все так некрасиво приключилось? И не только сегодня? Потому что ты, Таюша, упрямца! Ты же стоишь и просишь у человека, пока не добьешься своего, вот и получаешь в лоб. Попроси у человека один раз, если же он не дает, значит, отойди. А ты всегда стоишь и настырно добиваешься своего. Вот если у тебя начнут просить что-то очень вкусное, а тебе покажется, что и самой мало, что же тогда?

— Тогда я все равно поделюсь, — ответила Таюшка.

— Ну а если заупрямишься и не захочешь отдавать, как не захотела отдавать оторванную ногу от чужой куклы? — напомнила мама.

Таюшка виновато молчала.

— Вот видишь! Молчишь, значит, признаешь, что я права, — вздохнув, сказала мама.

— Нет, мамочка, голодному щенку я всегда отдам даже самое вкусное, потому что собачкина мама не может готовить вкусенькое, а у этого щенка вообще нет мамы, и ему никто не даст поесть.

— Собачкина мама никогда не бросит своего малыша, она кормит его своим молочком, пока он не подрастет. А уж подросший щенок должен сам добывать себе еду, поняла?

— Мамочка, ну как щенок будет добывать себе еду, он же на работу не ходит? — упрямилась Таюшка.

— Послушай, Тая, я вовсе не против, чтобы ты кормила

голодных животных, я просто хочу, чтобы ты поменьше упрямилась, — сказала, мама, выходя из комнаты.

Мамочка, ты мне обещала рассказать сказку про маленькую упрямую ведьмочку... — Таюшка умоляюще смотрела на маму.

Я тебе обещала рассказать эту сказку, только если ты будешь послушной. А ты опять влезла в драку, — напомнила мама.

Но, мамочка, не я же побила этих мальчишек, — захныкала Таюшка.

Тая, мы же с тобой только что договорились, и я попросила тебя поменьше упрямиться.

Мамочка, ведь это несправедливо, я же сама никого не била и ничего плохого не сделала, просто заступилась за голодного щенка. Дрались ведь мальчишки!

Ну хорошо, — сказала мама примирительно и опять присела на краешек кровати. — Я расскажу тебе эту сказ-

ку, если ты мне обещаешь, что будешь поменьше упрямиться и будешь немного поговорчивее, когда я тебя о чем-то прошу. Обещаешь?

— Мамочка, я обязательно... Я тебе... Я тебя... Я постараюсь слушаться тебя, — запинаясь и путая от волнения слова, поклялась Таюшка.

— Запомни, данное слово всегда надо держать, — сказала мама.

— А если это не всегда получается? — прошептала Таюшка.

— Значит, получается, что ты меня обманываешь. И потом, когда вырастешь большой, тоже будешь меня, старенькую, обманывать, — грустно произнесла мама.

Таюшке стало очень жаль свою мамочку, которая будет старенькой и обманутой. Ну уж нет, она ни за что не станет ее обманывать. И Таюшка твердо решила, что если снова подерется с мальчишками или заупрямится, то сама, добровольно, встанет в угол, хотя и ужасно боится стоять в темном углу.

— Ну хорошо, значит, ты обещаешь быть послушной, — улыбнулась мама, видя, какие страдания написаны на Таюшкиной конопатой рожице. — Тогда слушай сказку.

Мамина сказка

Далеко-далеко, в самой чаще густого леса, пряталась большая глубокая пещера, в которой жили сестры-ведьмы. И была у них маленькая сестричка по имени Шиша. Ох, и доставалась же этой Шише от старших сестер! Они ее то за уши потащат, если большой костер потухнет, то за волосы таскать начнут, если пол не успела подмести, а то и за ноги повесят на высокий сучок, если Шиша у них под ногами путается. Висит Шиша на сучке, плачет, а сестры посмеиваются над ней. А когда сестры разлетаются по своим делам, Шиша слезает с сучка и бежит к своей знакомой зайчихе — пожаловаться и поплакаться. Та пригревает Шинку, успокаивает, и Шиша засыпает у зайчихи под теплым боком. Но там под вечер сестры ее находят и за уши приносят домой в пещеру.

Но вот однажды присмотрела себе Шиша пустое птичье гнездо и спряталась там от сестер. Сидела-сидела в гнезде и печально заснула. А когда проснулась, кругом было уже

темно. Видимо, сегодня сестры не смогли ее отыскать, подумала Шиша. А это заброшенное птичье гнездо было на самой макушке высокой старой березы, и макушка мерно покачивалась, так что Шиппу чуть было опять не укачало в сон.

— Эх, надо идти домой, — вздохнула Шиша и начала уже было спускаться, да так и замерла, открыв рот от неожиданности: на самом краю леса она увидела крохотный, но яркий огонек, он то мерцал, то снова исчезал во тьме.

Долго так висела Шиша, замерев, и рассуждала:

— Что это за огонечек? Упавшая звезда? Так почему же тогда она не погасла? Чей-то зажженный костер? Но почему же тогда он такой маленький? Эх, какая жалость, что у меня до сих пор нет своей летающей метлы! Была б у меня сейчас своя метла, я бы вмиг слетала туда и обратно!

Сестры обещали ей подарить такую метлу, но только на праздник, который будет через четыре луны. В эту ночь все ведьмы слетятся на праздник, и каждая из сестер выдернет из своей метлы по волшебному прутику и подарит Шише, и у нее таким образом соберется своя метелочка. Но это будет еще не скоро, надо, чтоб по небу прокатилось четыре круглых луны...

И Шиша горестно вздохнула...

Таяшка уже крепко спала. За окном, во тьме, празднично мерцал своими многочисленными фонарями ночной город. Мама поправила на дочкиной кровати сбившееся одеяльце и тихонечко вышла.

Рыжик

Когда Таюшка проснулась, то услышала шкворчанье, доносившееся из кухни: мама готовила завтрак. Обычно она просыпалась, когда мама уже убежала на работу, но сегодня было воскресенье. И Таюшке показалось, что сегодня должно случиться что-то необычное и очень-очень хорошее. Она быстренько надела приготовленное мамой платье, взяла расческу и, как всегда, начала расчесываться, да не тут-то было: едва она провела расческой по голове, как начали болеть синяки и шишки, полученные во вчерашней драке. Таюшка долго возилась с волосами, но все-таки управилась, косичка была успешно заплетена.

Таюша, иди завтракать, — позвала из кухни мама.

Ма-а-амочка, а можно я сразу после завтрака пойду на улицу? — спросила Таюшка и запыржала на одной ножке в сторону.

Таюша, веди себя поприличнее! — строго сказала мама.

Мамочка, у меня сегодня очень хорошее настроение, мне кажется, что сегодня произойдет что-то хорошее-прекрасное, — сказала Таюшка. Это необыкновенное предчувствие чего-то радостного не покидало ее с самого пробуждения.

Ну ладно, Таюша, завтракай и иди гулять. Только сначала верни оторванную у чужой куклы ногу, хорошо? И попроси у той девочки извинения, поняла?

Угу, — отозвалась Таюшка, заталкивая в рот последний кусочек яичницы с помидорами. Потом она отыскала в своих игрушках ногу от чужой куклы и понеслась, весело прыгая по ступенькам.

Девочку, с которой они подрались из-за куклы, она нашла быстро — та сидела в песочнице и играла.

— На, возьми, — миролюбиво сказала Таюшка, подойдя к песочнице и протягивая девочке куклину ногу.

— Спасибо, — поблагодарила девочка. — Меня зовут Маришка, а тебя как?

— А меня Тая. Ты прости меня, Маришка, что сломала твою куклу, просто мне тогда очень хотелось поиграть с такой куклой, — призналась Таюшка.

— Мне сейчас папа ее починит, и мы с тобой поиграем с ней по очереди. Хорошо? — И Маришка радостная побежала домой.

А Таюшка забралась в песочницу и стала лепить при помощи разных формочек из песка красивое печенье, да такое, что у самой слюнки потекли. Вскоре вернулась Маришка и предложила:

— Давай поиграем в кондитеров: ты будешь делать пирожные, а я буду их продавать. А потом я буду делать пирожные, а ты станешь продавцом. Ладно?

— Ладно! — обрадовалась Таюша. — Я уже вон сколько их напекла.

— Кому пирожных, покупайте! Пирожные всякие: с кремом, с джемом, с фруктами! Самые вкусные пирожные! — начала кричать, как заправский продавец, Маришка, и к ней сразу же потянулись девочки, игравшие неподалеку.

Но вот начал накрапывать дождик, и все дети стали помаленьку разбредаться по домам. Таюшка тоже отправилась домой, но у нее развязался шнурок, пришлось присесть и завязывать. Возясь с непослушным шнурком, она услышала неподалеку от себя тихое и жалобное «мяяяуу». Она оглянулась, но поблизости никого не увидела. Но стоило ей опять нагнуться, чтобы довязать шнурок, как она опять услышала это «мяяяуу». Таюшка позвала «кыс-кыс-кыс», но ей никто не ответил. Тогда она на цыпочках (чтобы не спугнуть) подошла к подвальной дырке и снова позвала «кыс-кыс-кыс». Но больше никто не мяукал. Тог-

да она решила заглянуть за угол дома. И что же? Там сидел, прижавшись к стене, ярко-рыжий, с растопорщенной шерсткой, крохотный котенок.

Ой, какой же ты неприглаженный... — рассмеялась Таюшка и погладила его.

Маяякакау! — запищал котенок и сам подошел к Таюшке.

Таюшка взяла его в руки, и котенок своим маленьким шершавым язычком начал облизывать Таюшкины пальцы.

Ой-е-ей, мне же щекотно! Ха-ха-ха! — расхохоталась Таюшка, посадила котенка в карман джинсового сарафана и побежала к Маришке.

Маришка, Маришка, посмотри, что у меня есть! — закричала она и высадила котенка из кармана в песочницу.

— Уйя, какой хорошенький! — восхитилась Маришка.
— Где ты его нашла?

Постепенно подошли и другие ребята, не сбежавшие от дождя, и тоже завосхищались котенком:

— Ого! Какой он весь рыжий! Откуда он? Чей он? Где ты его взяла? — посыпались на вопросы.

— Он сам ко мне подошел, — похвалилась Таюшка.

— Ой, не ври, — засомневалась одна девочка.

— А я и не вру, он сам позвал меня. И он звал именно меня, а не кого-то другого! — расхвасталась Таюшка.

Таюшка даже и не заметила, как все малыши примолкли, и только тогда сообразила, когда услышала у себя за спиной мальчишечьи голоса:

— Смотри, опять рыжая здесь! Кого это они там прячут? Ну-ка, мелюзга, раздвиньтесь! Смотри, рыжая такого же кота рыжего притащила! Мало, что сама рыжая, так еще и кот у нее рыжий! А ну отдай кота!

— Не отдам, — храбро ответила Таюшка, быстро спрятала котенка в карман сарафана и сжалась, не на шутку испугавшись налетевшей ватаги мальчишек, предводимых ее недругом толстяком.

— Отдай, говорю, а то хуже будет! Тебе, кажется, уже говорили, чтоб ты тут больше не появлялась, а ты опять здесь! Что, мало вчера получила?! Тебе же сказано было, что это наш двор и рыжим здесь не место, ты поняла?! — кипятился толстяк.

— Нет, — буркнула Таюшка себе под нос. Вот что она поняла ясно, так это то, что ее сейчас опять будут бить, и крепче прижала к себе котенка.

— Лучше отдай кота, а то сама получишь, ну! — И толстяк, так и не сумев заполучить кота, изо всей силы толкнул Таюшку в спину.

Таюшка как сидела на корточках, так и упала лицом вниз, стукнувшись губами о бордюрина песочницы, и сразу

же почувствовала во рту привкус крови. А другой мальчуган, постоянно сопровождавший толстяка, больно пнул ее по коленкам.

— Мама, мамочка, скорее сюда, на помощь! — пронзительно закричала Маришка, наивно полагая, что мама на двенадцатом этаже ее услышит.

Однако помощь все-таки подоспела. Но не от Маришкиной мамы.

— Ах вы, паразиты, мало вам своих драчек, уже и малышей начали бить! — громозвучно гаркнула прибежавшая на Маришкин крик дворничиха.

И Таюшка услышала торопливый топот трусливо убегающих мальчишек, минуту назад бывших храбрыми и воинственными. Она повернула голову и увидела, как вся мальчишья ватага улепetyвает от дворничихи, а та, нагоняя, хлещет их по задницам своей метлой. Таюшка, вскочив, бросилась к своему подъезду, вбежала на лестничную площадку и так отчаянно заревела «ма-а-амо-о-очка!!!», что жильцы в тревоге пооткрывали свои двери, и, видя окровавленного ребенка, повыскакивали на лестницу, спрашивая: «Что случилось, деточка?»

Таюшка с разбегу уткнулась в материнские колени и еще больше зашлась в истерическом реве.

Господи, да что же это такое? Вчера пришла вся изогтая, сегодня то же самое, когда же это кончится? — заплакала Таюшкина мама.

— А вы узнавали, кто ее бьет? Кто же у нас такой изверг?! Так ведь всех малышей перекалечат! — возмущалась жильцы.

— Так это Борька со своей командой, — услужливо подсказала пожилая тетка в очках.

— Да, это он, сын нашего бизнесмена-предпринимателя, — подтвердила молодая тетка с лицом, лоснящимся от питательного крема, и с волосами, накрученными на бигуди.

— Так это Николая Васильевича Сагинова сынок? — И люди, почему-то успокоившись, стали расходиться по своим квартирам.

Мама завела Таюшку домой, кое-как отцепила ее судорожно сжатые руки, приговаривая:

— Таюша, разожми руки, ты же задушишь котенка, слышишь, ему тоже больно, отпусти его!

Потом мама повела Таюшку умываться, передела в чистое платье, но струйка крови из рассеченной губы не останавливалась. Мама вызвала неотложку, и их с Таюшкой отвезли в поликлинику. Там ей не очень больно наложили швы:

— Ну вот, теперь все до свадьбы заживет, — улыбаясь, сказал доктор. — И где ж это она так ударилась? Наверное, слишком быстро бегала?

— Нет, это ее избили мальчишки, — горько сказала мама.

— Тогда вам надо заявить в милицию. И знайте: черепно-мозговые травмы у детей не всегда проходят бесследно, — предостерег доктор.

И Таюшка с мамой отправились домой. Мама уложила Таюшку отдыхать, а сама куда-то ушла.

Таюшка, свернувшись калачиком, начала уже дремать, как вдруг вспомнила про котенка и с тревогой подумала: «Неужели мама выбросила его?» Но ее страхи оказались напрасными: котенок сладко спал на краешке ковра, скатавшись пушистым клубочком. Таюшке захотелось быть рядом с котенком, и она улеглась на ковер, обняв мяконецкий комочек. Так и заснула, словно в яму провалилась.

— Таюша, вставай, — откуда-то издалека донесся до Таюшки мамин голос.

Таюшка силилась проснуться, но никак не могла вылезти из той сонной ямы, а мамин голос настойчиво звал ее. И она подумала: а вдруг мамин голос сейчас исчезнет, и она, Та-

юшка, его больше никогда не услышит. Ей стало страшно, и она с большим усилием открыла глаза. Первое, что она увидела, было взволнованное лицо мамы, склонившейся над ней. Потом она обнаружила, что у них в квартире сидят два незнакомых человека — мужчина и женщина — оказываются, они пришли вместе с мамой, когда Таюшка спала.

Ничего страшного, Светлана Николаевна, такое заторможенное состояние бывает после обезболивающих инъекций, девочка просто крепко заснула. Сейчас с ней все будет хорошо, не беспокойтесь. Я сама врач. Как ты себя чувствуешь, Таюша? — принялась расспрашивать Таюшку женщина. — Губа болит? — Таюшка кивнула. — Ну а голова болит? А где еще болит?

Нигде, — засопела Таюшка и стала шарить руками вокруг себя. Оказывается, она уже лежала на кровати, на черное, мама перенесла ее туда с ковра. — А где Рыжик? спохватилась Таюшка, вспомнив про котенка.

— Что-что? Какой рыжик? — не поняла женщина.

Да котенок, из-за которого ее сегодня избили, — сказала мама. — Вон он, Таюша, играет с твоей желтой шапкой.

Таюшка посмотрела на пол и улыбнулась: котенок всеми четырьмя лапами отчаянно теребил кисточки на шапке.

Ну ладно, здесь все понятно, мы пойдем, — сказал мужчина, молча сидевший во время всего разговора. — А с Борисом мы разберемся. Можем обещать, что этого больше не повторится.

И завтра обязательно привезите девочку к нам в клинику: надо обследовать головной мозг, и, возможно, вам назначат лечение, чтобы избежать нежелательных посттравматических последствий, — на прощание приказала женщина Таюшкиной маме. — Я предупрежу в регистратуре, чтобы вас пропустили без очереди. Ну, до свидания. И надеюсь, что больше такого не повторится.

И они ушли.

— Мам, это кто такие? — спросила Таюшка.

— Борины родители, — ответила мама. — Я ходила к ним домой разбираться, почему их сын и его компания тебя бьют.

— Ага, значит, этого противного толстяка зовут Борькой, — хмыкнула Таюшка. — Толстый, жирный, как поезд пассажирный!

— Таюша, если ты будешь обзывать и дразниться, я просто перестану с тобой разговаривать, причем навсегда.

— И мама ушла на кухню.

Таюшка поняла, что опять обидела маму. Ну почему так получается? Она ведь очень любит свою маму. Жил бы папа с ними, он бы, наверно, все Таюшке объяснил: что хорошо, а что плохо.

— Таюша, иди, помоги мне обед готовить, — позвала Таюшу мама, и та побежала на кухню.

— Мамочка, прости, я постараюсь больше не обижать тебя... — прошептала Таюшка, уткнувшись матери в колени. — Обещаю!

— А ты знаешь, Таюша, когда человека не любят, его всегда обманывают.

— Нет, мамочка, я тебя очень люблю и постараюсь больше не обижать. А ты меня лучше почаще наказывай, — посоветовала Таюшка.

— Таюша, но ведь я тоже тебя люблю, и мне тоже бывает неприятно тебя наказывать, ставить тебя в угол, зная, что ты терпеть не можешь там стоять. Ну ладно, давай-ка лепить котлеты, а то мы все трое умрем с голоду.

— Мяяякакаууу, — закричал подбежавший Рыжик.

— Мам, чего он кричит, да еще царапается? — удивилась Таюшка.

— Рыжик проголодался и просит есть, — улыбнулась мама.

Рыжику выдали самую первую котлету, он ее с аппетитом съел, потом выпил целое блюдечко молока, и, с трудом доплзши до середины комнаты, вдруг пронзительно зашипел. Мама с Таей удивленно переглянулись. Таюшка подошла к Рыжику и хотела погладить его, но Рыжик защищел на нее и так зло царапнул, что Таюшка даже испугалась. И они с мамой заметили, что Рыжик весь раздулся и стал похож на какой-то безобразный пузырь.

- Мамочка, что это с Рыжиком?

Не знаю, Таюша, может, у него животик заболел, мы ведь с тобой не знаем, как правильно кормить котят. Может, ему еще нельзя котлет, может, именно от них ему сейчас так плохо, — заволновалась мама.

Рыжик заверещал еще пуще — так, что Таюшка даже уши заткнула. Но тут их выручил звонок в дверь: пришла соседка баба Даша. Увидев котенка, всплеснула руками:

- Что ж это вы над ним, сердешным, издеваетесь? Да разве ж так можно? — запрочитала она.

Мама с Таей испуганно переглянулись.

- Мы ничего плохого ему не сделали... — прошептала Таюшка.

То-то и оно, что сделали! Небось, так накормили, что живот раздуло, а туалет ему, бедному, не приготовили! Где ж ему освободиться?! Подождите, у меня дома, кажется, есть старый ящик от посылки. Я его сейчас принесу, а вы пока постелите ему какую-нибудь старую тряпку. Смотрите, как его пучит, беднягу.

Старушка ушла за ящиком, а мама постелила котенку тряпку. Котенок залез на тряпку, последний раз хрипло пискнул, загреб тряпку вокруг себя лапками и затих. Потом молча слез с тряпки и пошел, потряхивая лапками. Свернулся, поджав под себя лапки, у самой кромки ковра и уснул.

- Какой у нас с тобой, Таюша, умный котенок, — улыбнулась мама.

После обеда Таюшка прилегла на мамин диван, у нее разболелась потревоженная разбитая губа. Мама накрыла ее пледом и ушла к бабе Даше в надежде, что та уже отыскала ящик для Рыжика. Таюшка заснула и увидела странный сон: ей на голову падают спелые яблоки, больно бьют, она почему-то не может убежать, а яблоки все падают и падают. Она проснулась и поняла, что это Рыжик пляшет у нее на голове: засунет свою мордочку под плед, половит там что-то и давай опять прыгать по Таюшкиной голове. Таюшка только уберет его, а он снова на голову ей прыг и опять под плед лапами лезет, словно кого-то ловит. Таюшке надоела Рыжикова пляска, и она встала. И они с Рыжиком усаелись у окна.

Таюшка смотрела, как возятся в песочнице малыши, как качаются качели, как пихаются, что-то не поделив, два мальчугана. Потом стал вновь накрапывать дождик, и листва под окном вздрагивала, когда на листочки попадали капли дождя. Наконец начали зажигаться фонари, и пошел настоящий дождь, и город за окном стал похож на размытую картину.

Вскоре вернулась мама.

— Я думала, Таюша, что ты еще спишь, — улыбнулась мама, ставя у порога ящик с песком для котенка.

— Мама, почему, когда я спала, Рыжик прыгал у меня на голове? — спросила Таюшка.

— Он, наверное, играл с твоей косичкой, — ответила мама. — Видимо, ему скучно стало, когда ты спала. Знаешь, теперь ты не одна, у тебя есть о ком заботиться, так что будь добра, если завела котенка, ухаживай за ним сама. Когда поправишься, будешь менять для него песочек в ящичке сама, поняла?

— Поняла, — согласилась Таюшка.

— Ну, а теперь пойдёмте чай пить, — сказала мама и ушла на кухню.

Рыжик тут же поскакал за ней.

Они попили чаю, и мама сказала:

– Таюша, посмотришь мультик по телевизору и сразу спать, а то мне завтра рано вставать на работу. Я сегодня совсем не отдохнула...

– Нет, мамочка, я не хочу смотреть мультик, я лучше лягу в кровать, а ты мне расскажешь, что было дальше с Шишей, – попросила Таюшка.

– Хорошо, Таюшка, ложись и послушай, что было дальше с Шишей.

Таюшка быстренько разделась и юркнула в постель. Рыжик примостился возле нее. Мама присела на краешек кровати и спросила:

– Ну, так на чем я остановилась?

– Что по небу должно прокатиться четыре луны, – напомнила Таюшка.

– Так слушай дальше...

Шиша летит на огонек

Слезла Шиша с березы и побежала к себе в пещеру. Добежала до нее и остановилась. Постояв немного возле темного входа, она, встав на четвереньки, тихонечко поползла и вдруг уткнулась головой прямо в метелки.

— А что будет, если я сейчас возьму по прутику с каждой метлы? Мне бы только слетать туда и обратно, посмотреть, что за огонек там светит, — подумала Шиша. — Ведь сейчас темно и никто не заметит, что я их возьму. А когда прилечу обратно, поставлю все прутики на место, — успокаивала себя Шиша.

Она дотронулась до чьей-то метелки, тихо потянула прутик, вытащила... и ничего не произошло. Потом еще один и еще — и так натаскала на приличную метелочку. «Я же верну!» — поклялась про себя Шиша. Связала она прутики, нашла заготовленный для своей метелочки черенок, воткнула его в пучок прутьев, перевязала веревочкой, тоже заготовленной заранее, уселась верхом — и как гикнет! И метла взвилась высоко-высоко, так, что у Шиши ночной воздух засвистел в ушах. Оглянулась Шиша: внизу лишь ноч-

ная чернота, а метла так и несет ее к самым звездам. Тут Шиша догадалась, что метлу надо попридержать, обхватила ее обеими руками — и метла полетела медленнее. Потом опустила черенок вниз — и метла начала снижаться.

Вскоре Шиша почувствовала, что ее голые ножки стали вдевать макушки деревьев. Тогда она выровняла метлу и направила ее к старой березе. Покружила вокруг березы, увидела тот самый таинственный огонек и направила метлу прямо на него.

Долго летела так Шиша, а огонек то появлялся, то исчезал. Вот уже на востоке совсем посветлело небо, а огонек чуть приблизился. И вот лес под Шишей внезапно кончился, и она влетела в деревню.

Шиша покружила над крышами изб и хотела уже повернуть обратно, как вдруг увидела в одном из окошек тот самый огонек. Она направила метлу вниз и очутилась в чьем-то дворе. Все было тихо. Но вдруг из соломенной крыши курятника вылетел огромный петух и оглушительно прокукарекал:

– КУКАРЕКУУУ!

Шиша так перепугалась, что вскочила на петуха и хотела прижать его, чтобы он не голосил так громко. Но петух, не ожидавший, что на него кто-то вскочит, заголосил еще громче и заметался по темному двору. Шише ничего не оставалось, как спрыгнуть с этого полоумного петуха. Схватив метлу, она уже хотела взвиться в небо, но тут увидела на крыше дома маленькую полуоткрытую дверцу. Шишей овладело любопытство, и она влетела в эту дверцу. И попала на чердак.

Весь пол этого чердака был покрыт охапками и пучками засушенных листьев, цветков, стебельков и корешков. Шиша, уставшая от своего ночного полета, почувствовала себя совсем обессиленной. Безумно захотелось спать. Ей не составило большого труда сделать себе из сухих листь-

ев, устилавших пол чердака, мягкую постельку, и она, свернувшись клубочком и зарывшись в листья, уснула.

Проснулась она оттого, что почувствовала, как кто-то на чердаке шуршит листьями, и при этом запахло одновременно котом и петухом. Шиша чихнула и открыла глаза: прямо на нее надвигались большущий толстый кот и уже знакомый ей полоумный петух, который в данный момент почему-то прихрамывал на одну лапу.

— Шишшш, — запищел кот и прыгнул к Шише.

— Я не шиш, я Шиша.

— Нет, шиш, — прошипел зло кот.

— А я говорю, что я не шиш, а Шиша, — заупрямилась она.

— Шиш! — Кот подскочил совсем близко и уперся своим вонючим носом в Шишин нос. — Шишшш!

— Я не шиш, я Шиша!

— Шиш!

— Шиша я!

— Шиш!

— Шиша я!

Петух, разумеется, вступился за кота, спорщики сцепились, и на чердаке поднялся настоящий ураган. Дверца чердака открылась, и оттуда вылетел клубок дерущихся, густо опутанный сушеной растительностью, — словно осенний ветер вынес этот клубок оттуда. Клубок грохнулся на землю, сушеные растения разлетелись, и на земле остались валяться дико орущий кот с задранными лапами, и петух, молча лежащий на спине. Шиша, к счастью, успела взмыть обратно на чердак. Подошедшая старенькая бабушка ахнула, увидев неподвижного петуха.

— Петенька! Что с тобой? — заголосила бабушка, думая, что петух сдох.

Однако, едва она к ним подошла, петух и кот вскочили и помчались: кот — в одну сторону, петух — в другую.

— Ах, негодники, что ж вы наделали? Все лечебные травы, что я с таким трудом насобираала по лесам да по полям, скинули с чердака! Ну погодите, ужо вернетесь домой, я вас обоих накажу! — сердилась бабушка, пытаясь собрать с земли разбросанные целебные растения.

Но у нее ничего не получилось: все ее драгоценные листки, цветки, стебельки и корешки разлетелись по разным уголкам двора. И старушка, горестно махнув рукой, поковыляла в избу.

Шише стало жаль старенькую бабушку — она часто встречала ее в лесу, где та собирала лечебные травы: старушка знала в них толк. Шиша, уже кое-что освоившая из ведьминых наук, сложила ладошки в трубочку и потянула в себя воздух — и опять, откуда ни возмись, появился сильный осенний ветер, поднял с земли все рассыпанные листочки, цветочки, стебелечки и корешочки и красивым всером занес их обратно на чердак. Целебные растения снова лежали на чердаке — будто никто их и не трогал.

Шиша приоткрыла дверцу чердака и села погреться на солнышке. Бабушка в это время вышла подоить свою любимицу козу Розочку. Присела на скамеечку, подставила кастрюльку под козье вымя и давай доить. Бабушка доит, Розочка жует травяную жвачку, молочко густой струйкой течет в кастрюльку.

— Это для Шиши! — шепчет на чердаке ведьмочка.

— Шиш тебе! — отвечает ей из зарослей лопухов кот.

— Для Шиши! Для Шиши, да, только для Шиши! — сердится Шиша.

— Шишиши тебе, — злобно шипит кот.

— Это ты, Васька, хулиган окаянный, там спрятался? — оглянулась бабушка на лопухи, в которых засел кот. — Ну-ка выходи оттуда сей момент! Ишь, какой хитрый, на-накастил и спрятался! Кыс-кыс, — позвала бабушка кота.

Хотя бабушка и сердилась на кота за его выходки, она

была доброй и быстро забывала про кошачьи проказы, а хитрый кот Васька это усвоил. Вот и сейчас, едва бабушка его позвала, кот тут же выпрыгнул из своего укрытия и начал тереться о бабушкины ноги, прося у нее прощения.

— Ну, ладно, ладно, прощаю тебя, — сказала бабушка добродушно. — Вот сейчас Розочку подою и тебе молочка налью.

— И Шише молочка, — шепчет на чердаке голодная ведьмочка.

— Шишши тебе, — шипит ей кот снизу.

Грустно стало Шише. Хоть и обижали ее сестры, но самый вкусный кусочек поджаренного на костре мяса ей всегда доставался, и большая кружка молока с кукурузной лепешкой у Шиши всегда имелась. А вот сегодня Шиша целый день голодная, и никто не предложил ей покушать.

Тем временем бабушка закончила доить Розочку и пошла в избу, неосмотрительно оставив кастрюльку с молоком без присмотра. Шиша вмиг слетела вниз и, схватив кастрюльку, стала жадно пить молоко. А с другой стороны кастрюльки повис кот, крепко вцепившись в нее лапами. Шиша тянет кастрюлю к себе и, отпивая по глоточку, приговаривает:

— Это для Шиши молочко, только для Шиши.

А вредный кот висит на другой стороне кастрюли и орет:

— Шиш тебе, Шишак, это мое молоко, мммяяууу, караул!!!

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на улицу не вышла бабушка. Шиша успела спрятаться в лопухи, и бабушка увидела только кота, который стоял на задних лапах, а в передних держал кастрюлю с молоком, будто заправский повар, только поварского колпака не хватало.

— Васька! Ты что это удумал? — ахнула бабушка.

В это время кот, потеряв равновесие, повалился на спину и кастрюлю, словно ушат в бане, опрокинул на себя. Бабушка же, где стояла, там и села — от такой невидали и кошачьего нахальства. А кот, весь мокрый, высочил из-

под кастрюли и бросился наутек. Бабушка долго не могла прийти в себя от наглой выходки кота. А пролитое молоко впиталось в землю. Бабушка опомнилась, когда кот уже шмыгнул под калитку, и только всплеснула руками: «Вот артист!» И зашла обратно в избу.

Шише опять стало жаль старенькую добрую бабушку, и она, выйдя из укрытия, подошла к тому месту, где пролилось молоко, подержала над этим местом ладошки, потом, сложив их ковшечком, задержала над кастрюлькой — и из ее ладошек прямо в кастрюлю полилось чистое, густое козье молочко. Шиша ведь все-таки была ведьмочкой.

Бабушка вышла, чтобы взять кастрюльку. Взяла, да чуть не выронила из рук от изумления: кастрюлька была полна молока.

— Да что ж это такое со мной? Видно, старая совсем стала, вот и чудится всякое. Ох-ох-ох, — заохала бабушка и, взяв кастрюльку, пошла в избу.

Шиша подошла к Розочке, погладила ее — и та напоила Шишу досыта молочком прямо из вымечка. И разрешила прислониться к своему теплому меховому бочку. И у Шиши на душе сразу стало хорошо и покойно...

Как Таюшка пыталась исправиться

Мама посмотрела на засыпающую дочку, погладила Рыжика и повернулась к настольному фотопортрету в рамочке. С портрета на них всех весело смотрел симпатичный рыжий парень — Таюшкин папа.

— Что же мне делать? Непослушной растет наша с тобой дочка, уж очень шепутная она, трудно мне с ней одной справляться... — вздохнула Таюшина мама. — Был бы ты с нами, Витя, мне было бы куда легче... — Мама вытерла набежавшие слезы, потушила свет и вышла из комнаты.

Таюшка открыла глаза, шмыгнула носом и проговорила, глядя на папин портрет в полумраке:

— Папочка, я обязательно научусь слушаться маму, а ты побыстрее найдись и приезжай к нам, ладно? — И, закрыв глаза, тут же уснула.

Утром Таюшка проснулась, когда мама была уже на работе. Она оделась, умылась, заплела косичку, и они с Рыжиком приступили к завтраку.

— Все-таки это здорово — завтрак вдвоем, — подумала Таюшка, глядя, как Рыжик уплетает бутерброд с ветчиной; конечно, не полностью бутерброд, а лишь ветчину от него.

Попив чаю, они с Рыжиком сели на подоконник, потому что по маминой просьбе зашла соседка баба Даша и строго-настрого запретила Таюшке выходить из дома:

— Сиди дома, бестолковка, пока не заживет губа. А на улицу — ни шагу, иначе снова расшибешься! — А когда Таюшка пыталась было заканючить, грозно прикрикнула:

— Отставить разговоры! Приказы не обсуждаются!

Во дворе сегодня было совсем мало малышей: только

трое играли в песочнице, да еще четверо крутили карусель. На улице после вчерашнего дождя было довольно-таки прохладно, поэтому остальные дети сидели по домам и ждали, когда потеплеет.

Таюшка собралась уже слезать с окошка, но увидела, как из своего подъезда выбежала Маришка. Таюшка высунулась в форточку и закричала:

— Маришка! Маришка! Иди ко мне! — И назвала номер своей квартиры.

Маришка подняла голову и замахала руками в знак согласия. И Таюшка побежала открывать Маришке дверь. Едва перешагнув порог, Маришка выложила сногсшибательную новость:

— Ты знаешь, Тайка, вчера у Борьки кто-то украл породистого щенка, и он целую ночь искал его и не нашел, а сейчас даже не хочет ни есть, ни пить, от всего отказывается, так переживает! — выпалила Маришка скороговоркой.

— У какого Борьки? — не поняла Таюшка.

— Да у того, который тебя бил, — напомнила Маришка.

— А разве у него был щенок? — удивилась Таюшка.

— Был. Да еще какой: породистый, у него даже паспорт имелся.

— У кого паспорт? У собаки? — не поверила Таюшка.

— Ну да, у Борькиного щенка был свой паспорт, потому что он сильно породистый, — подтвердила Маришка.

— А, может, щенок сам от него убежал? — предположила Таюшка. — Ведь этот Борька совсем не любит собак, он даже пожалел кусочек бутерброда для бродячего щенка.

— Нет, Борька любил своего щенка, он даже плачет сейчас, — сочувственно произнесла Маришка.

— Ну ладно, давай не будем спорить из-за этого Борьки. — И Таюшка перевела разговор на другую тему:

— А знаешь, какой у меня Рыжик прыгучий, пойдём с ним играть!

Они вбежали в Таюшкину комнату. Рыжик уже сладко дремал на ковре. Таюшка взяла кончик своей косички и провела им по кошачьему носу. Рыжик открыл один глаз, равнодушно посмотрел на косичку, а потом вдруг ка-а-ак вцепится в нее лапами! И повис на ней. Тут подскочила Маришка и, распутив обе своих косички, завертела ими перед Рыжиком. Рыжик, соскочив с Таюшкиной косички, вцепился в Маришкины, и пошла потеха. Рыжик летал по комнате, словно рыжая белка: и по шторам карабкался, и на карнизе висел, и на этажерку запрыгивал, а уж с кровати на стол летал так, словно у него были крылья. Девчушки только визжали и втягивали головы в плечи. А Рыжик так разошелся, что уже не понимал, где пол, а где потолок.

А когда так хулиганят, то всегда случается беда. Разбушевавшийся Рыжик вцепился в скатерть на столе, повис на ней, скатерть сползла, папин портрет, стоявший на столе, упал, и стекло разбилось. В комнате сразу наступила тишина. А в дверях стояла мама и, оказывается, уже давно наблюдала за ними.

— Мамочка, Рыжик нечаянно разбил стекло, — смущенно проговорила Таюшка.

— Рыжик не виноват, — сказала мама. — Зачем тебе понадобилось так его раззадоривать?

— Мы сначала хотели просто поиграть... Прости, мамочка, это я виновата, — сказала Таюшка и сама встала в угол.

— Ну хорошо, раз ты сама призналась, что виновата, я тебя прощаю. Иди успокой Рыжика, и мы с тобой сейчас поедem в клинику, где работает Борина мама.

И Таюшка побежала ловить носившегося по квартире Рыжика.

Маришка попрощалась и ушла домой. Мама подмела осколки стекла и, взглянув на портрет мужа, пропавшего без вести, опять погрустнела. А Таюшка никак не могла

успокоить котенка: только она начинала его гладить, как тот вырывался от нее как дикий или же норовил запустить в нее свои острые коготочки.

— Мам, Рыжик никак не ловится! — закричала оцаранная Таюшка.

— А ты его не лови, а успокой: предложи ему колбаски или сырку, — посоветовала мама.

Таюшка дала Рыжику кусочек колбаски, Рыжик молниеносно проглотил его и тут же уснул, уютно свернувшись и подобрав под себя хвостик.

— Мам, а откуда ты знаешь, как успокаивать Рыжика? удивилась Таюшка.

— Я это знаю, потому что у меня есть ты, — со вздохом ответила мама. — Ну-ка, давай-ка собираться, а то опоздаем в клинику и нас не примут.

Они собрались и вышли на улицу. Дул ветер-листобой, и мама поплотнее натянула Таюшке шапочку.

— Мам, а ты знаешь, что у Борьки был щенок породистый, и вчера он у него пропал, — сказала Таюшка весело.

— Я думаю, ты не будешь злорадствовать по поводу чужого горя, — строго остановила Таюшку мама. — Представь, что у тебя украдут Рыжика, что тогда ты будешь делать?

— Я тогда, наверно, сразу умру, — ответила Таюшка, не колеблясь.

— Не болтай глупости! — рассердилась мама.

— Но он же не любит собак, этот Борька, он даже кусочек бутерброда пожалел для бродячего щенка! — возмутилась Таюшка.

— Ты не права, Боря очень любил своего щенка, и ему сейчас очень плохо. И вообще Боря умный мальчик, будет замечательно, если вы с ним подружитесь.

— Фи! — сморщила нос Таюшка.

— Что это еще за «фи»? — возмутилась мама, однако

продолжать этот скользкий разговор не стала.

Когда они подошли к остановке, автобус уже стоял там, и пассажиры торопливо заходили в него. Зашли и мама с Таюшкой.

— Н-да, еще немножко, и мы бы с тобой опоздали, — заключила мама, взглянув на наручные часики.

Они доехали до клиники, и там их приняли без очереди, как и обещала Борькина мать. Таюшу провели в специальный кабинет, где стояло много разнообразных приборов. Ее посадили в кресло, подключили к ее голове множество проводков и велели сидеть тихо и не вертеться. Таюшка покорно сидела и слушала, как все эти приборы сердито гудят.

— Ну вот, все в порядке, никаких осложнений нет, — сообщила Борькина мать и сняла с Таюшки проводки. — На этот раз все обошлось, но ты уж, пожалуйста, больше так не дерись. Хорошо?

— Хорошо, — бросила на ходу Таюшка, выбегая в коридор к ожидавшей ее маме.

Поблагодарив Борькину мать, они отправились домой. На дворе был уже вечер. По дороге они зашли в два магазина, мама купила хлеба и еще что-то в коричневых обертках.

Едва они поднялись на свой этаж, как услышали протяжный вой Рыжика, доносившийся из их квартиры. Мама быстро отперла дверь, и они вбежали в квартиру. Рыжик орал где-то в Таюшкиной комнате. Таюшка побежала на его крик и, войдя в свою комнату, невольно расхохоталась — Рыжик висел высоко на тюлевой гардине с дикими от ужаса глазами и орал что есть мочи:

— МЯЯЯКАКАУУУ!!!

На помощь подоспела мама: она встала на стул и отцепила перепуганного котенка от тюля, попутно нахлопав его по мохнатой попке. Рыжик обиделся и, задрав хвост

трубой, покинул мамину комнату. И залез в самый дальний и самый темный угол под Таюшкиной кроватью. И только, когда мама с Таюшкой сели ужинать, разобиженный господин Мьяякакауу изволил вылезти из своего укрытия и присоединился к трапезе.

— Таюша, надо будет отучить его от лазанья по занавескам, — строго сказала мама.

Они поужинали, Таюшка посмотрела мультик, легла в постель и сразу же провалилась в сон. Продолжения сказки про Шишу в тот вечер не было.

Папины друзья

Таюшка проснулась оттого, что перед ее кроватью громко пищал Рыжик.

— Мьяяуууу! — старательно выводил он и тарачил на Таюшку свои большие круглые глаза.

— Чего тебе, Рыжик, надо? — пробормотала Таюшка недовольным голосом и снова закрыла глаза.

Но Рыжик не отступал и пронзительно пищал до тех пор, пока Таюшка не поднялась с кровати.

— Ну чего тебе, Рыжик? Ты мне поспать не даешь.

Но Рыжик еще громче затянул «мяяууу», так что Таюшке поневоле пришлось встать окончательно и пойти за Рыжиком, бросившимся вон из комнаты. Рыжик шмыгнул на кухню, заскочил под обеденный стол и опять затянул свое тягучее «мяяууу». Таюшка заглянула под стол: Рыжик сидел возле ножки стола и что-то выцарапывал изпод нее.

— Рыжик, что там у тебя? — Таюшка полезла под стол.

Причиной поднятого Рыжином шума была всего-навсего половинка сосиски, которую он, играя, загнал за ножку стола и никак не мог вытащить сам. Таюшка помогла Рыжику изъять застрявшую сосиску, тот доел ее и успокоился.

Ложиться обратно в кровать Таюшке уже не захотелось. Она умылась, надела приготовленные мамой кофточку с юбочкой, позавтракала, выдала Рыжику мячик, чтобы тот не скучал, и побежала на улицу, накинув курточку и кое-как нацепив шапку. Выйдя на улицу, она остановилась, пораженная тем, что там увидела. Карусель, на которой каталась малышня, была так искорежена, будто кто-то пытался связать ее узлом, песочница вся разгромлена, а песок развеян по всему двору.

— Тайка, Тайка, иди скорее сюда! — позвала Маришка.

Все мальши, ребята повзрослее и даже сами взрослые сидели на скамейках и молчали.

— Кто же это все сделал? — спросила Таюшка.

— Мы тоже хотели бы знать, кто это у нас такой сильный, что даже железо корежит, — ответил незнакомый дяденька, стоявший поодаль и разговаривавший с Борькиным отцом. — Сегодня карусель и песочницу разворотили, а вчера вон все качели пообрывали.

— Кто этот дяденька? — шепотом спросила Таюшка у Маришки, показывая на незнакомца.

— Это дядя Леша. Он тоже был пропавший без вести, как твой папа, — сообщила осведомленная Маришка. — А недавно этот дядя Леша нашелся, он был в плену у бандитов, и там его заставляли тяжело работать, — вывалила Маришка все подробности.

— Значит, и мой папа когда-нибудь вернется, — с надеждой проговорила Таюшка.

— А ты возьми да спроси у дяди Лешы: может, он твоего папу встречал, — посоветовала Маришка.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Таюшка, подойдя к дяде Леше.

— Здравствуй, дочка. Садись, посиди с нами. Знаю, вы с мамой поселились в этом новом доме. Вы, наверное, недавно в наш город приехали? — спросил он.

— Дядя Леша, у Таи тоже папа, пропавший без вести, — выпалила Маришка.

— Дядя Леша, вы не видели там моего папу? — подхватила Таюшка.

— А кто ж его знает, может быть, и видел, да я ж его не знаю, вы ведь из другого города к нам приехали. Вот такая петрушка получается, Тая... — невесело усмехнувшись, произнес дядя Леша и погладил Таюшку по спине.

— Да нет же, мой папа жил здесь, в этом городе, вон в том доме. — И Таюшка показала на дом, который ей, в свою очередь, показывала мама со словами «в этом доме жил твой папа».

Дядя Леша обернулся на дом, на который указывала Таюшка.

— Ты чего, рыжая, пристала к моему отцу? — завопил Вовка, мальчуган, пинавший ее по коленкам, когда Борька хотел отобрать у нее котенка.

— Ну-ка не ори на девочку! Что она тебе сделала плохого? — И дядя Леша отвесил Вовке подзатыльник. — Еще раз гавкнешь на нее, получишь дома трепку, — пообещал он. Потом, повернувшись к Таюшке, спросил:

— А как звали твоего папку?

— Витя, — ответила Таюшка.

— Один Витек жил у нас в том доме. Рыжий Витек, — нахмурился, вспоминая что-то, дядя Леша. — А как, дочка, полностью звали твоего папку?

— Виктор Сергеевич Лужин, — ответила Таюшка. — Там еще жила папина мама, но ее уже нет. А когда мы приехали, нас с мамой не пустили в ту квартиру, сказали,

что там живет законный родственник, и тогда мама купила квартиру в новом доме. Это папа просил, чтобы мы переехали сюда, в его город, когда еще бабушка живая была, а когда мы приехали сюда, то бабушки уже не стало, — закончила свой сбивчивый рассказ Таюшка.

— Слышь, Коль, что она сказывает? — повернувшись к Борькиному отцу, спросил дядя Леша.

— Слышу, да не верю. Ведь ее мать приходила к нам, когда они с Борькой подрались, так она другую фамилию называла, — недовольно проговорил дядя Коля.

— Кто подрался? Так это тебя, что ль, наша шпана тогда побила? — дядя Леша внимательно посмотрел на Таюшку:

— Так ведь, рыженькая, а?

— Тая, а какая у твоей мамы фамилия? — спросил дядя Коля.

— Лужина. И я тоже Лужина. И мой папа тоже был Лужин.

— Мать этой рыженькой, наверно, узнала, к кому идет, и постеснялась назвать Витькову фамилию, — качая головой, проговорил дядя Леша. — Ай-ай, нехорошо-то как вышло. Выходит, наши сыновья отлупили Витькову дочку. Как будто мы нашего Витька отлупили...

— Да, вышло как-то по-предательски, — вздохнул дядя Коля. — Ну, я своего Борьку тогда выпорол ремнем, и после этого он убежал на улицу и там потерял щенка.

— А я своего Вовку еще выпорю, просто я не знал, кого они тогда отлупили, думал, что просто между собой подрались.

— Тая, а почему вы с мамой не живете в папиной квартире? Почему купили новую? Ведь у твоего папы была очень хорошая квартира, — спросил дядя Коля.

— Потому что, когда бабушка померла, папина мама, то мамина мама поехала узнать насчет папиной квартиры, и ей сказали, что в ней живет законный родственник, — по-

ведала Таюшка. — И тогда мама купила вот эту нашу квартиру, чтобы было хотя бы недалеко от папиного дома.

— Законный родственник? — дядя Коля удивленно вскинул брови и переглянулся с дядей Лешей. — И кто же это?

Дядя Леша недоуменно пожал плечами.

— Тая-Таюшка-Таюша... Таисия Викторовна Лужина... — задумчиво вымолвил дядя Коля, нежно прижав Таюшку к себе. — Ты, Таюшка, умная девочка, — проговорил Борькин папа после паузы, — ну, а папины фотографии у вас есть?

— Есть, и даже портрет на столе стоит, вот только Рыжик нечаянно стекло на портрете разбил, — пожаловалась Таюшка.

— Какой такой Рыжик?

— Мой котенок. Ой, мне надо идти домой, а то Рыжик еще что-нибудь натворит, и мама расстроится, — засуетилась Таюшка, вспомнив данные маме обещания.

Но дядя Коля не дал ей ступить. Он взял Таюшку на руки и сам понес ее домой, а за следом за ними устремился дядя Леша.

— Слышь, Коль, без хозяйки как-то нехорошо заходить...

— Да мы только Витькову дочку проводим домой, — охрипшим голосом проговорил дядя Коля.

Они подошли к Таюшкиной квартире и тут же услышали протяжный кошачий вой.

— Это Рыжик кричит, — пояснила Таюшка, вытащила из-под кофточки висевший на тесемке ключ и вставила в замок.

Они вошли в квартиру и обнаружили, что Рыжик застрял между карнизом и стенкой в маминной комнате и торчал там, скрутившись улиткой и жалостно воя на одной ноте.

— Прямо циркач ваш кот! И как это он умудрился туда

залезть? — удивился дядя Леша и, встав на стул, освободил Рыжика.

Рыжик хрипло мякнул в знак благодарности и уполз под диван.

Таюшка вспомнила, как подобает вести себя гостеприимной хозяйке, и любезно пригласила дядей в свою комнату:

— Проходите, садитесь, пожалуйста.

Но садиться они не стали. Взгляд их сразу же упал на портрет папы Вити, стоящий в рамочке на столе. Дядя Коля печально вымолвил:

— Ну, здравствуй, Витек, вот и встретились...

Мужчины стояли перед портретом, низко опустив головы, и молчали. Потом дядя Леша смерил рамочку и сказал:

— Мы сюда такое стеклышко вставим, что ни один Рыжик не сумеет разбить.

— Надо как-то узнать, что за законный родственник поселился у Витька в квартире, и если что, шугануть его оттуда, — предложил дядя Коля. И вдруг из его глаз покатались слезы.

— Ты что, Колян? При ребенке-то зачем? — и дядя Леша хлопнул друга по плечу. — А помнишь, как мы Витька в школе, в первый раз... Ох, как он нам тогда наподдавал!

— Разве вы знали моего папу? — удивленно спросила Таюшка.

— Знали... — одновременно ответили мужчины.

— Ладно, Таюшка, закрывай двери, мы уходим. И никому, кроме мамы, не открывай! Поняла? — предупредил дядя Коля, и они ушли.

Едва затих звук их шагов на лестнице, как в прихожей снова раздался звонок. «Это, наверно, мама», — подумала Таюшка и побежала открывать. Но то была не мама, а соседка тетя Нина:

— Таечка, мне позвонила твоя мама и попросила накормить тебя обедом. Не успела она обед состряпать. Думала в обеденный перерыв вырваться домой, да не вышло. Пойдем, миленькая, у меня пообедаешь, я и тебя накормлю, и вашего Рыжика. Бедная Светочка, разрывается между работой и дочкой, — посетовала сердобольная тетя Нина, — хоть бы бабушка приехала посидеть с внучкой.

Таюшка поймала Рыжика, и они отправились обедать к тете Нине. Таюшка с аппетитом хлебала густой наваристый борщ, а Рыжик, наевшись, кусал за уши тетя-Нинину кошку, не давая той подремать после сытного обеда.

— Таечка, если тебе хочется отдохнуть после обеда, можешь у меня на тахте полежать, а то что ты дома одна будешь, — предложила Таюшке тетя Нина, и Таюшка тут же согласилась.

Она не заметила, как задремала, а потом по-настоящему уснула. А проснулась оттого, что Рыжик с тетя-Нининой кошкой устроили крупную кошачью разборку и подняли жуткий шум-гам.

— Вот паршивцы, не дали девочке поспать! — заругалась тетя Нина на кошек.

За окном уже собирались ранние осенние сумерки.

— Теть Нин, я, пожалуй, пойду домой, а то скоро вернется мама с работы, — сказала Таюшка и, поймав Рыжика, ушла к себе.

Рыжик заметно обрадовался, очутившись в Таюшкиной квартире, — котенок уже успел привыкнуть к своему дому. Котенок и девочка сели на подоконник и стали терпеливо ждать маму с работы, попутно наблюдая за жизнью во дворе. И за этим занятием даже не услышали, как мама зашла в квартиру.

— Таюша, мы с тобой сейчас поужинаем и попьем чаю с печеньем. Я купила две пачки вкусного-превкусного печенья.

— А ты мне отдашь обертки от печенья?

— Непременно отдам, подожди, вот только пересыплю печенье в вазочку, — сказала мама.

Таюшка взяла яркие обертки от печенья и побежала прятать их в свои игрушки. И тут раздался звонок в пере-дней.

— По-моему, к нам гости, Таюша. Только вот кто? — гадала мама. — Может, бабушка приехала? Я ее просила приехать, чтобы она за тобой присмотрела.

— Но, мамочка, ты же знаешь, что бабушка, во-первых, не любит кошек, а у нас теперь Рыжик, а во-вторых, она должна ухаживать за дедушкой, — рассудительно сказала Таюшка.

В передней настойчиво звонили, и мама пошла открывать. Она отперла дверь, и — вот неожиданность! — к ним припожаловало сразу четверо нарядных и сияющих гостей. Впереди стоял Борькин папа и широко улыбался:

— Светлана Николаевна! Света! Ну почему вы не сказали, что вы Лужина? Что вы жена нашего Витька? Признайтесь? Вы ведь знали уже, что идете к Витькову другу, а специально назвали другую фамилию.

— Да, я знала, к кому иду. Мне Витя очень много про вас рассказывал, я знала и про вас, Николай, и про Алексея. Но как бы я вам тогда сказала, что я Лужина? Я же к вам тогда ругаться приходила, разбираться насчет недостойного поведения вашего Бори. Было как-то неудобно признаваться, что я Лужина. Вот и назвала свою девичью фамилию. Да, а сейчас-то как вы узнали, что я жена Виктора?

— А мы сегодня во дворе познакомились с Таюшкой поближе. Когда она начала рассказывать про своего папку, и мы поняли, что это наш Витек, у нас с Лехой чуть сердце не разорвалось. Мы верили и не верили... Вы уж извините нас, но мы без вашего ведома сегодня побывали в

вашей квартире, нас Таюшка пригласила. Для нас ее рассказ был как гром среди ясного неба. Мы ведь даже не знали, в каком городе наш Витек женился и на ком. Слышали только, что у него родилась дочка. Ждали-ждали, думали, что придет с женой и дочкой, хотели своими женами и сыновьями похвастаться, а вон как вышло...

— Ну что же мы стоим в прихожей? Пожалуйста, проходите к столу. У меня, правда, ничего не приготовлено к приему гостей, но я сейчас быстренько приготовлю... Вы уж извините меня, что вот так все вышло. Я мигом... Я и сама мечтала, что когда приеду в Витин город, обязательно разыщу вас. Ведь Виктор так просил меня об этом, — проговорила мама и неожиданно села как подкошенная на обувную тумбочку и заплакала.

— Мамочка не плачь, папа обязательно найдется, — стала успокаивать маму Таюшка, — вон дядя Леша тоже был пропавшим без вести, а потом нашелся. Правда, дядя Леша?

— Конечно, Таюшка, обязательно найдется твой папка. Не такой наш Витек, чтобы просто так пропасть.

— Найдется, найдется, мой папка обязательно найдется! — воодушевилась Таюшка и закужилась в танце, задевая поочередно всех гостей.

— Беда мне с ней, растет непослушной, все время с мальчишками в драку лезет, не понимая, что они ей наподдадут. Мама как в воду глядела, говорила, что наплачусь я с этой шалуньей, — всхлипывая, пожаловалась Светлана.

— Не волнуйся, Света. Ведь Витек тоже в детстве был таким: и дрался, и упрявился. Помнится, в первом классе учительница пыталась заставить Витька поднять с пола мел. А он так и не поднял, уперся: «Не я ронял мел и все тут!» Время урока истекло, а мел как лежал на полу, так и остался лежать. Помнишь, Коль? Ох, и нахлебалась тогда тетя Вера, Витькова мать, неприятностей! Витька даже к психиатру направили, правда, все обошлось: психиатр ска-

зал, что мальчик просто упрямый, и посоветовали побольше уделять внимания его воспитанию, — ударился в детские воспоминания дядя Леша.

— А знаешь, Свет, ведь это у Витька как-то внезапно возникла такая идея: привезти невесту из другого города, — сказал дядя Коля. — Он собрался и уехал. Мы тоже тогда рванули жениться: я свою Людку из медицинского института взял, а Леха свою Юльку из педагогического выманил. Сразу две свадьбы сыграли. И все Витька с молодой женой ждали к свадьбе, а вы так и не приехали. И мы с Лехой тогда решили: «Приедут — отлупим!» В шутку, конечно. А получилось, что наши сыновья Витькову дочку отлупили, да еще как всерьез! — чуть не покалечили девчушку.

— Мы тогда не могли приехать: я была на четвертом курсе экономического, а в вашем городе такого института нет, и Витя ждал меня, пока я закончу учебу. Денег у нас тогда было мало, вот он и вертелся, зарабатывать и на себя, и на меня. А потом, на последнем курсе, я уже ждала Таюшу. И меня прямо с госэкзаменов увезли в роддом. Все шутили: «Диплом в руки и дочку на руки!» Таюша родилась всего два четыреста и слабенькая, все-таки сказало мое нервное напряжение. Потом она часто болела, и мы не рискнули везти ребенка в другой город, думали, пусть подрастет. А когда Таюше исполнилось десять месяцев, Витю забрали на военную службу. И отправили в горячую точку... А когда Таюше стукнуло два годика, пришло известие, что Витя пропал без вести... — И Таюшкина мама замолкла, не в состоянии унять бегущие по щекам слезы.

Гости сидели притихшие. Каждый думал в эту минуту, что вот она, эта встреча, состоялась таки, да не так, как представлялось, каждый представлял эту встречу на свой лад, но, конечно, уж не такой.

— Таюша, пойдем, приготовим что-нибудь, нельзя же

гостей слезами угощать, — обратилась мама к Таюшке.

— Да ладно, Света, пусть она сидит, мы тебе сами поможем, — сказала тетя Люда, и гости сразу же зашевелились, прошли на кухню, затащили туда пакеты, полные провизии, и в одну минуту на столе выросла целая гора всякой всячины.

— А это, Таюшка, тебе. — И дядя Коля подал Таюшке большую коробку, в которой покоилась богато разодетая кукла, похожая на Маришкину красавицу, из-за которой во дворе произошел тот досадный конфликт.

— А это от нас с тетей Юлей, — сказал дядя Леша, подавая ей упаковку, где оказалась настоящая Барби.

— Вы уж ее не балуйте, — смущенно улыбаясь, сказала мама.

— Да это мы купили еще тогда, когда услышали от тети Веры, что у Витька родилась дочка. Но вместо того, чтобы спросить ваш адрес да связаться с вами, разобиделись. У нас, у дураков, мозгов не хватило, чтобы сообразить, что у вас имелись особые обстоятельства, потому Витек и не приехал, и на связь не выходит, — виновато проговорил дядя Леша.

— И я вам сейчас кое-что принесу, — сказала Таюшкина мама, пошла в свою комнату и вынесла оттуда две затейливых погремушки и два футбольных мяча. — Витя тоже о вас не забывал. Когда узнал, что у вас родились сыновья, то купил сначала вот эти погремушки, а потом две машины. Но Таюша добралась до машин и основательно покаталась на них, так что от машин вскоре ничего не осталось. А вот футбольные мячи удалось сохранить. Витя хотел при встрече вручить эти подарки, да, видно, мне такая честь выпала, — невесело улыбнулась Таюшкина мама, вручая подарки гостям.

— Ну, нам эти погремушки еще пригодятся, — хохотнула тетя Люда, тряся погремушками, правда ведь, Юль?

— Безусловно! — засмеялась та.

— Ну, тогда за встречу! — сказал дядя Коля.

За столом невольно повисла тишина.

— Только бы узнать: живой ли Витя? — горько вздохнула Таюшкина мама.

— Ничего Светлана, я все силы приложу, но найду Виктора, живого или... — дядя Коля запнулся.

— Да, совсем забыла, недавно я получила письмо из Америки, мне написал его один миротворец. Он случайно прочел мое письмо в газете и ответил мне, что тоже был в плену и сидел с одним русским парнем, только вот фамилию точно не запомнил: то ли Дужин, то ли Гужин, точно не помнит, а вот то, что парень был рыжим, это миссионер помнит точно. Сейчас принесу. — И Таюшкина мама ушла в комнату за письмом.

Дядя Леша, вскочив, побежал за ней и сам вынес оттуда письмо. Все впились глазами в белый листок.

— Ну что там дальше пишет этот миротворец? — нетерпеливо спросил дядя Коля.

— Пишет, что его потом освободили свои, а тот русский остался в плену. Главное, что он дал координаты того места, где они были. Я тут же понеслась с этим письмом в здешний военкомат, попросила, чтобы они проверили эти данные и начали розыск, но майор сказал, что все это не просто, что надо обождать... — проговорила, плача, Таюшкина мама.

— Отдай-ка мне, Света, это письмо. Я уже немного знаком с этой процедурой: вон Леху пришлось выкупать, как какого-то раба, — зло проговорил дядя Коля.

Он дрожащей рукой взял письмо и начал читать. Все сгрудились вокруг него и молча вглядывались в строчки письма.

— Судя по адресу, это где-то в горном районе, — задумчиво проговорил дядя Леша.

— Где бы это ни находилось, хоть у самого Аллаха, я все равно доберусь! Деньги для этих шакалов все на свете затмили, за деньги они готовы кого угодно продать!

— Не все, Колян, там такие, — возразил дядя Леша. — Есть и похуже. Есть такие, которым сладко видеть чужое горе, это им как бальзам на душу. При мне одного человека до сумасшествия довели. Приехали его выкупать, так они его привели, показали, что его выкупают, и наотрез отказались отпускать. После чего этот бедолага потерял разум. И когда он лишился рассудка, знаешь, что они потом сделали с ним? Отпустили в горы! Либо зверью на съеденье, либо под первую пулю. Вот так-то...

— Изуверы... Нелюди... — прошептала Таюшкина мама.

— Мерзавцы! Подлецы! — эхом отозвалась тетя Люда, а тетя Юлия положила руку на плечо Таюшкиной мамы. — Не волнуйся, Света, у тебя все будет хорошо.

— Господи, сколько писем я наотправляла за эти три года! И в какие только инстанции не обращалась... И с этим адресом ходила в военкомат... И все безрезультатно... — зарыдала Таюшкина мама.

— Не плачь, Света, по-моему, это действительно наш Рыжий нашелся, — с надеждой произнес дядя Коля. — А уж как расшевелить инстанции и поторопить военкомат, я знаю.

— Но ведь рыжих на свете много, может, это и не наш Витя, — высказала сомнение Таюшкина мама.

— Ну хоть такая зацепочка есть, все ж лучше, чем никакой. — И дядя Коля сменил тему разговора. — Света, ты не знаешь, какой такой законный родственник поселился в Витьковой квартире после смерти тети Веры? Насколько нам с Лехой известно, у Виктора с матерью никаких родственников не было, кроме троюродной тетки, которая умерла лет так пятнадцать назад.

— Не знаю, кем этот родственник доводится Вите. И я

даже на похоронах свекрови не была. Таюшка тогда слегла с тяжелым гриппом, так что хоронить свекровь ездила только моя мама. А когда мама вернулась, сказала мне, что на квартиру свекрови претендует законный родственник. Я, приехав сюда, пыталась поговорить с этим родственником, но он меня даже слушать не пожелал, да еще непечатно обозвал.

— Леха, мы с тобой завтра же должны все разузнать!

— Какой разговор, Колян? Все узнаем! Железно!

— А вот эту квартиру мы с дочкой купили на Викторовы деньги, — продолжила Света. — Виктор в конце концов нашел прибыльную работу и до своего ухода в действующую армию успел заработать солидные деньги. И взял с меня слово, что мы с дочкой непременно переедем в его город, и чтобы я обязательно отыскала там вас.

— Мапочка, это я их нашла! — радостно визгнула Таюшка.

Все засмеялись, а мама Света охнула, посмотрев на дочь, у которой вся мордашка была перепачкана шоколадом, а в каждой руке было по пригоршне шоколадных конфет.

— Тая, это что такое? Ну-ка положи конфеты на стол! Они же растают у тебя в руках, и ты испачкаешь светлый костюм дяди Коли, — возмутилась мама.

— Ну-ка, испачкай меня поскорее, егоза! — И дядя Коля прижал к себе вихрастую головенку с золотой косичкой.

— Ох, Николай, не потакай ей! Она же у меня и так своевольная растет, скоро с ней никакого сладу не будет, — испугалась Таюшкина мама.

— Таюшенька, а зачем тебе столько конфетных оберток? — спросила тетя Юля.

— Я буду куклам карнавальные костюмы делать, — похвалилась Таюшка, — и мы с Маришкой устроим куклам карнавал.

— Это не ты ли у Маришкиной куклы ногу оторвала? Ко мне тогда прибежала Маришкина мать и спрашивает: «Юль, ты не знаешь, что это за шелопутную девчонку к нам привезли? Такая разбойница: у Маришкиной куклы ногу оторвала и к себе унесла!» Я тогда весьма удивилась этому.

Гости засмеялись. Потом взрослые еще о чем-то беседовали, а Таюшка сидела на коленях у дяди Коли и дремала. Уже совсем сонную Таюшку мама раздела, умыла, уложила в кроватку, и Таюшка сразу провалилась в здоровый крепкий сон. Она не слышала, сколько еще сидели у них гости и когда они ушли. Таюшка крепко спала, и ей снилась своенравная ведьмочка Шиша.

Поиски щенка

Утром, как всегда, ее разбудил Рыжик: он ловил Таюшкины пальчики на ногах, выглядывающие из-под одеяла.

— Рыжик, я спать хочу, — захныкала Таюшка и сбросила котенка на пол.

Но Рыжик снова скакнул на нее, и Таюшка опять его сбросила. Тогда Рыжик начал скакать по Таюшке, как резвая лошадка. Таюшка села, и сон быстро пропал. Она оделась и пошла на кухню. Там на столе, прикрытый салфеткой, Таюшку ждал кусок торта. Она тут же съела его, выпила чай, оставленный мамой в термосе, и, натянув в спешке курточку и забыв про шапку, выскочила на улицу.

Возле крыльца дворничиха неспешно подметала асфальт.

Таюшка так и замерла от удивления, увидев вместо искореженной карусели новенькую, ярко раскрашенную, на которой уже весело крутилась малышня.

— Это ваши родители ночью все отремонтировали, — пояснила дворничиха. — Сагинов-то Николай откуда-то все привез, и все вместе ставили, и твоя мать тоже с ними была.

— А качков из соседнего двора, что тут напакостили, Николай так приструнил, что впредь неповадно будет чужие железки гнуть! Пусть свои штанги узлами завязывают, а к нам не суются! — добавила дородная мамаша с коляской.

— Чего стоишь как просватанная? — спросила дворничиха остолбеневшую Таюшку. — Иди, катайся. Видишь, все катаются.

Таюшка с разбегу заскочила на карусель и с удовольствием прокатилась. Тут она увидела сидящего на скамейке грустного Борьку, соскочила с карусели, несмело подошла к нему и заговорила:

— Привет! Как дела?

— Привет, — буркнул Борька.

— Щенок так и не нашелся? — участливо спросила Таюшка.

— Нет, — огорченно вздохнул Борька.

— А ты помнишь, где ты его потерял? Ну, в каком месте? Где ты с ним сидел или ходил в последний раз? — уже смелее заговорила Таюшка.

Борька наморщил лоб, что-то вспоминая. К ним подошел дядь-Лешин Вовка и восхищенно затынул, показывая взглядом на карусель:

— Во здорово! За одну ночь, как настоящие волшебники, все сделали!

— Да погоди ты, — оборвал его Борька и снова наморщил лоб.

Таюшке очень хотелось показать Вовке язык, но она сдержалась: ей совсем не хотелось огорчать симпатичного дядю Лешу, а ведь Вовка наверняка наябедничает на нее отцу.

— Вовк! — обратился к нему удрученный Борька. — Ты не помнишь, где мы последний раз сидели, когда потерялся щенок?

— Дух, что ли? — спросил удивленно Вовка. — Твой щенок Дух?

— Ну а какой же еще? — рассердился Борька. — Соображаешь хуже любой девчонки.

— Сначала мы сидели здесь, а потом пошли вон туда, где дядьки в киоске водку покупают, — обиженно сказал Вовка и сел на скамейку.

— Пойдемте туда скорее, может, там кто видел, куда этот щенок Дух убежал или кто его взял, — крикнула Таюшка, и они побежали. — А какой он из себя, этот щенок Дух? — обернулась она к ребятам на ходу.

— Далматинец, белый с черными пятнышками.

— А, я такого по телевизору видела, — вспомнила Таюшка.

Вовка почему-то фыркнул и зажал рот рукой. Таюшка все-таки не удержалась и треснула Вовку по шее.

— Если будете драться, я пойду один искать щенка, — пригрозил Борька.

— А чего она руки распускает? — возмутился Вовка.

— Скажите, пожалуйста, вы не видели здесь нашего щенка? — выпалила Таюшка, подбегая к скамейке, на которой сидели мужики и пили водку, занюхивая одной луповицей на троих.

— Пошла вон, сопля! — рыгнув, рывкнул один из них.

— Кккакккого щщщенка??? — икая, спросил второй и, качнувшись, встал. — Какой щенок? Кто щенок?

Ребятня испуганно попятилась, и все они сели на соседнюю скамейку.

— Скажите, вы не видели тут нашего щенка? — спросила Таюшка у продавщицы киоска. — Он такой белый в черных пятнах, далматинец.

— Делать мне больше нечего, как только за вашими собаками смотреть, — проворчала продавщица.

— Глаша, че им от тебя надо? — подошел к киоску, шатаясь, грязный мужик.

— Да вот какого-то щенка спрашивают, — недобро зыркнув на ребят, ответствовала продавщица.

— Щенка? Какого еще щенка? Сама ты щенок, вали отсюда! — и мужик больно пнул Таюшку. — Глаша не берет чужих щенков!

Таюшка села на скамейку, потирая ушибленную ногу. Борька схватил комок глины и хотел швырнуть его в дядьку. Но Таюшка, протестуя, вцепилась в Борькин рукав:

— Не надо, Боря, а то мы так совсем щенка не найдем.

— Ребята, я видела, кто вашего щенка взял, — вдруг произнесла девочка, стоявшая поблизости и прогуливавшая доbermanа.

— Кто? — сразу же вскочил Борька.

— Дядька, который все время валяется под забором, он вон из того подъезда. Но вам самим лучше туда не ходить, — добавила девочка, взглянув на уже приготовившегося бежать Борьку, — надо позвать кого-нибудь из взрослых. Ведь этот дядька может и не отдать вам щенка, а наоборот: спрячет его подальше.

Борька припустился домой, Вовка с Таюшкой — за ним. Они вбежали в квартиру Сагиновых. Борька, едва переступив порог, сразу же схватил телефонную трубку и, переведя дыхание, заорал:

— Папа, папа, Дух нашелся, я знаю, у кого он!

Дядя Коля что-то ответил Борьке, и Борька, шмыгнув носом, опять вылетел из квартиры. Ребята устремились за ним.

Вскоре к Борькиному подъезду подъехала машина, и из нее вышел дядя Коля с каким-то незнакомым мужчиной, высоким и худым. Борька кинулся усаживаться в машину, но дядя Коля перехватил его и посадил на скамейку:

— Если хочешь, чтобы я вернул щенка, сиди здесь и никуда не ходи сам, понял? Скажи лучше, кто он, этот похититель щенков, и в каком доме живет?

— Это дядька, который все время валяется пьяный под забором, он живет в доме рядом с киоском, где продают водку.

— Догадываюсь, о ком речь. Это мой старый знакомец. Одно время он даже учился с нами в одном классе, пока в очередной раз не остался на второй год, — поморщился дядя Коля.

Папина квартира

Взрослые ушли. Ребята остались сидеть на скамейке и ждать. Время тянулось бесконечно медленно.

— Таечка! Иди домой! Звонила твоя мама и попросила, чтобы я проследила за твоим обедом, а то ты опять ничегошеньки не съешь! — прокричала в окно тетя Нина и поторопила, видя, что Таюшка не спешит. — Таисия, ну-ка иди домой живо, кому говорят! Иначе я твоей матери пожалуюсь!

Таюшка встала и нехотя поплелась домой.

— Мой руки и садись за стол. Рыжику я уже дала покушать, — проговорила тетя Нина, наливая в тарелку вкусно пахнущий грибной суп.

Таюшка принялась, захлебываясь, есть.

— Ты куда так торопишься? — удивилась тетя Нина.

Не ответив, Таюшка быстро доела суп и сорвалась с места, уже на лестнице натягивая куртку.

— А тефтели с гречкой? А кисель? — крикнула ей вслед тетя Нина, но Таюшки уже и след простыл.

Скамейка, где сидели мальчишки, была пуста, все разбежались по домам обедать. Таюшка покрутилась немного на карусели и уже хотела идти в соседний скверик — вдруг там что-нибудь интересное? — но увидела, что к ней подходят дядя Коля и высокий худой мужчина, приехавший с ним на машине.

— Ну что, Таюшка, уже пообедала? — спросил он. Таюшка утвердительно кивнула. — Хочешь пойти с нами посмотреть квартиру, где жил твой папа?

— Хочу! А щенка Духа вы уже забрали? — поинтересовалась она.

— Духа я завтра вызволю, а сейчас идем с нами. — Он взял Таюшку за руку, и они все вместе пошли на квартиру Таюшкиного папы.

— А документы у них в порядке? — спросил худой мужчина. — Я имею в виду регистрацию брака и свидетельство о рождении.

— Да ты что, Виктора не знаешь? Все у них в порядке. И вот живая копия папы, — засмеялся дядя Коля, приобретя Таюшку.

— Это я так, для формальности, — отвечивал худой.

А девица и впрямь копия Виктора.

Они отыскали нужную дверь, и дядя Коля позвонил. Однако за обитой кожей дверью было тихо.

— Может, здесь никого нет? — предположил худой.

— Если бы никого не было, квартира была бы опечатана, ты сам это прекрасно знаешь. Эй, кто-нибудь! — И дядя Коля забарабанил по коже кулаком. В квартире раздалось шарканье, лязг отпираемого замка, и через цепочку выглянул низенький лысый мужичок.

— Вам кого, граждане? — недовольно спросил он.

— Ба, знакомые все лица! Здорово, родственничек! А я то думаю-гадаю, кто это в Витьковой квартире окопался?! А это ты, дорогой родственник, седьмая вода на киселе! — проговорил дядя Коля металлическим голосом. — А ну впусти!

— Ты, Сагинов, на себя много не бери, а то и на тебя управа найдется. Я по закону здесь прописан, на то в ЖЭКе справка имеется. Вот так-то, Сагинов! — запетушился мужичок, однако откинул цепочку и позволил зайти в квартиру.

— Извините, гражданин, как ваша фамилия? — спросил худой.

— Жеребчиков, — подсказал дядя Коля, ухмыляясь.

— Только не Жеребчиков, — завозмутился лысый. — Мое фамилие Жеребков, я муж покойной тетушки Виктора, ныне тоже покойного.

— Чего? — взревел Сагинов.

— Да, да, ныне покойного Виктора Лужина, моего незабвенного троюродного племяша, — притворно всхлипнул лысый.

Дядя Коля занес над лысым свой мощный кулак.

— Подожди, Николай, надо разобраться, — осадил его худой. — Гражданин Жеребков, у вас есть дарственная на эту квартиру? Или завещание составлено на ваше имя?

— А вы, собственно, кто такой будете, господин хороший? — фыркнул Жеребков.

— Я адвокат, веду в районном суде спорные имущественные дела, моя фамилия Гротов, — представился мужчина и выгачил из кармана удостоверение. — И я тоже однокашник Лужина. А что, разве на Виктора пришла похоронка?

— Не совсем так, почти что похоронка, он пропавший без вести.

— Так, может, он еще вернется. И притом его жена приехала в наш город, и они с дочерью являются прямыми наследниками этой квартиры.

— Это еще надо доказать, что она его жена! Виктора-то уж давным-давно на войну забрали. Военно-полевая жена, что ли? И дочку ему в короткий срок сбачала? А что: дурное дело нехитрое, — съязвил лысый, а дядя Коля сжал кулаки и заскрежетал зубами.

— Кстати, вот его дочь, посмотрите-ка сами, на кого она похожа. — И адвокат указал глазами на Таюшку.

— Да не может быть, чтоб у Витьки был такой большой ребенок! И рыжих на свете много и что ж, всех Витька заделал? — съехидничал лысый и тут же отлетел в угол, отброшенный сильным кулаком дяди Коли.

— Гражданин Жеребков, как к вам попала эта квартира? На каком основании вы в нее вселились? — строго спросил адвокат у Жеребкова.

— На том основании, что я ее купил! — проорал лысый,

скривившись и держась за зашибленный бок. — Сагинов вон полгорода скупил, и с него никто ничего не спрашивает, а я только эту паршивую квартиру, и меня, честного человека, начинают мордовать.

— Тогда покажите купчую, — потребовал адвокат.

— А вот вам купчая!!! — взвыл Жеребков и, вскинув руки, показал две фиги. — Может, мне жить негде!

— А где же твоя четырехкомнатная квартира, чертов боров? — удивленно спросил Сагинов.

— А в ней моя новая супруга проживают-с!

— Что же, твоя супруга такая здоровенная, что сразу все четыре комнаты занимает, и тебе, бедному, угла там нет? Ну хватит, кончай базар! Если ты сам не уберешься из этой квартиры, я вытравлю тебя отсюда, как таракана! Ты понял меня?! — И, отвернувшись от лысого, дядя Коля взял Таюшку за руку. — Пойдем, Таюшка, я покажу тебе комнату твоего папы. — И открыл боковую дверь. И удивился. — Надо же: Витьковы вещи остались, как при нем! Не успел боров тут похозяйничать. Вот и славно!

Таюшка вошла и с любопытством оглядела комнату: кровать, письменный стол, полки с книгами, на стене две картины с лесом и речкой и две больших фотографии: одна — бабушки, папиной мамы (такую же точно фотографию она видела дома в альбоме), а другая — какого-то паренька. Таюшка пригляделась:

— Ой, да это же папка в молодости!

— Верно, это твой папка. Здесь он сфотографирован, когда школу заканчивал, совсем еще мальчик. На, посмотри поближе. — Дядя Коля снял портрет со стены и подал Таюшке. Та взяла портрет в руки и долго смотрела на этого мальчика, который был ее папой.

— Ну все, Таюшка, пойдем отсюда. Мы еще сюда вернемся.

Дядя Коля хотел повесить портрет назад, но не тут-то

было: Таюшка вцепилась в портрет и так заревела, будто у нее не портрет отнимали, а руки отрывали. Дядя Коля успокаивающе погладил ее по голове и разрешил:

— Ладно, возьми это фото с собой, имеешь право.

Таюшка несла портрет до самой маминной комнаты, и там дядя Коля повесил его на стенку:

— Вот будет твоей маме сюрприз, — порадовался он и ушел.

В гостях у тети Юли

Таюшка уселась на подоконник ждать маму. К ней тут же прискакал Рыжик, и они вдвоем усталились в окно. Рыжик по-своему, по-кошачьи, удивлялся, что листья вдруг ожили и сейчас, как птички, летают, где хотят. Рыжику очень хотелось поиграть с ними, он поскреб стекло, понял, что поиграть невозможно, и стал провожать кружащиеся листья глазами. На улице стемнело, но мамы почему-то все еще не было. И вот в прихожей затренькал звонок.

— Мама! — закричала Таюшка и побежала открывать.

Но то была не мама, а тетя Юля:

— Таечка, пойдем к нам, милая. Твоя мамочка сейчас очень занята, она у юриста, а как освободится, тоже придет к нам на ужин, — сказала тетя Юля.

— А Рыжика кто накормит? — заупрямилась Таюшка.

— Рыжика мы тоже приглашаем в гости, — улыбнулась тетя Юля.

— Вот здорово! Рыжик, пойдём в гости, там тебя вкусно угостят, — сказала Таюшка и, поймав Рыжика на руки, последовала за тетей Юлей.

Дверь им открыл дядя Леша.

— Во, к нам, оказывается, сразу два рыжика в гости пожаловали, — заулыбался дядя Леша. — Ну, проходите, рыжики, будьте как дома.

Рыжик по-своему понял призыв быть как дома и, вырвавшись из рук хозяйки, сразу же пошел обнюхивать углы, а потом подскочил к Вовке и стал выпрашивать у него то, что Вовка прятал у себя в руке.

— Чего дразнишь кота? Дай, что он просит, — заругался на Вовку дядя Леша. — Что ты там прячешь?

— Ничего я не прячу, — пробубнил Вовка, запихивая рогатку поглубже в карман.

Но Рыжик не отставал от Вовки. Тогда Вовка принес обруч и сказал:

— Ну-ка, Рыжик, попрыгай! Получишь сардельку.

Рыжик быстро понял, чего от него хотят, и началась такая чехарда по квартире, что даже дядя Леша не удержался и тоже принялся играть с Рыжиком. Подкрепившийся сарделькой Рыжик умудрялся прыгать даже на стены и в итоге так разошелся, что снес хрустальную вазочку с серванта. К счастью, вазочка, ловко подхваченная на лету дядей Лешей, уцелела. Тут уж вмешалась тетя Юля:

— Ну-ка, перестаньте гонять бедного котенка! А то он от вас на люстру заберется.

Однако ее предупреждение не подействовало на играющих, и игра докатилась до того, что Рыжик и впрямь махнул на люстру и там повис, перебирая задними лапами стеклянные висюльки. Висюльки тоненько зазвенели, и дядя Леша отметил:

— Какой музыкальный кот!

Дружный хохот потряс квартиру, а Вовка от смеха сполз с кресла. Тетя Юля тоже расхохоталась:

— Ну вот, доигрались! Я же говорила, что он удерет от вас на люстру.

Вскоре пришли еще два гостя: дядя Коля с Борькой.

— Что здесь за веселье? — спросил, входя в комнату, дядя Коля. — Ого, от кого это кот так сиганул?

— От моих дорогих домочадцев. Замучили бедного котика. Ну ладно, Лешка, хватит гонять котенка, лучше пойдемте-ка ужинать.

Высокий дядя Коля легко снял Рыжика с люстры и подал Таюшке:

— На, держи своего Рыжика. И не давай его Лехе с Вовкой, а то они твоего кота с ума сведут. Сколько я Леху помню, он всегда уличных котов гонял.

Все расселись за столом и приступили к ужину. В это

время зашла Таюшкина мама.

— Ой, мамочка, ты знаешь, какой наш Рыжик прыгучий, — восторженно доложила Таюшка.

— Я прекрасно знаю, какой наш Рыжик прыгучий. А что здесь опять случилось? — спросила мама с тревогой.

— Да мои дорогие домочадцы устроили кошачье светопреставление, — засмеялась тетя Юля. — А ваш Рыжик демонстрировал чудеса акробатики.

— Опять Рыжика раззадорили! Он когда-нибудь весь дом разнесет, — сказала мама, сокрушаясь.

— Да это все Леха, непревзойденный мастер кошачьих игр, — со смехом поведал дядя Коля.

— Витек тоже обожал с котами забавляться, — защищаясь, сказал дядя Леша. — Знаешь, Света, когда мы Таюшку в первый раз провожали до квартиры, то как подошли к вашей двери, услышали жуткий кошачий вой: ваш Рыжик тогда застрял между карнизом и стеной и висел, скрючившись.

— Света, а почему бы вам собаку не завести? Собака будет успокаивать вашего буйного кота, — предложил дядя Коля. — Хорошая идея, Таюшка?

— Хорошая идея, просто распрекрасная! Мы с мамой обязательно заведем собачку! — И Таюшка шумно захлопала в ладошки.

— Я с котом-то еле справляюсь. Не говоря уже о его маленькой своевольной хозяйке. Не надо нам собаки, Николай, — нахмурилась мама.

— А Таюшка вся в папку своевольная. Ты же, Света, сама знаешь, каков Витек!

— Да уж... — неопределенно произнесла мама, и лицо ее посветлело. Она как-то вся засветилась изнутри. Потом спохватилась. — Да, Николай, я побывала в военкомате. Посмотри, что получила. — И выгатила из сумочки документ.

Дядя Коля взял протянутую ему бумагу, прочел и присвистнул.

— Я немедленно еду в эту точку! — воскликнул он. — Это все займет недельки две.

— Почему ты? Я тоже могу! — засуетилась мама.

— Нет, Света, я мужчина, и мне сподручнее. Тем более что мне уже знакома сия процедура.

— Да-а-а, дела-а-а, — протянул дядя Леша, читая выхваченную из рук дяди Коли бумажку. — Неужто Витек?!

Но Таюшкина мама приложила палец к губам и с тревогой глянула на дочь.

— Таюшка, у тебя нога не болит, по которой тебя пнул тот пьянчуга? — спросил дядя Коля. — Мне Борис все рассказал.

— Ты что, Таисия, уже и к пьяным лезешь? Чего тебе от них надо? — испуганно поинтересовалась мама.

— Мы Духа искали, Борькиного щенка, — пояснила Таюшка.

— Ну вот что, Борис, — распорядился дядя Коля, взяв сына за плечи, — Таюшка — это дочка нашего друга Виктора, и она младше вас с Владимиром. Так вот: с этой минуты вы будете ее опекать и защищать. Если что с ней случится, буду спрашивать с вас как со взрослых, понятно?

— Ну-у-у, еще с девчонкой возиться, — приуныл Борька.

— Она сама сегодня вперед нас полезла спрашивать про щенка. Ее никто не просил, мы бы и сами могли это сделать, — поддержал друга Вовка.

— Такая непогода, как моя Таюша, любых мальчиков в неприятности втянет, — вздохнула Таюшкина мама.

— Борис и Владимир, вы поняли меня? — строго спросил дядя Коля.

— Понял, — буркнул Борька, а Вовка хмуро поддакнул.

Таюшка не удержалась и показала им язык. Вовка не-

довольно замычал, но дядя Леша его осадил:

— Если будешь ныть, я тебя заставлю не с одной девочкой возиться, а сразу с тремя! — сказал дядя Леша.

— С какими? — не понял Вовка.

— Которые родятся, — подсказал дядя Леша.

Все захихикали. Затем взрослые еще о чем-то долго говорили, а Таюшку разморило, и она начала клевать носом. Потом все стали расходиться по домам. Борька тащил за руку сонную Таюшку, которая шла, спотыкаясь заплетающимися ногами.

— Ты что, совсем малявка, что ли? — бурчал Борька на Таюшку. — Иди нормально!

Таюшка выдергивала свою руку из Борькиной и нарочно отставала. Но Борька упрямо снова брал ее за руку и тащил.

— Знаешь, Свет, я ведь Виктору жизнью обязан, — заговорил дядя Коля. — Однажды мы с ним забрались на дальние озера, там меня какая-то гадина укусила, нога посинела и распухла аж до бедра, наступить невозможно. Так Витек меня тащил на себе до самой шоссейки. А как дотащил, сам свалился от усталости. Там мы и лежали, пока проезжий шофер нас не подобрал и не отвез в медпункт. Витек тогда щупленький был, я его на полголовы выше и плотнее. Так он все равно меня не бросил, пер до самого шоссе.

— Я знаю эту историю. Виктор часто вспоминал и эту историю, и другие ваши детские приключения. И удивлялся, что вы так крепко дружили, а потом вдрызг разобиделись, и не пишете, не едете... — поведала Таюшкина мама.

Добравшись до своей квартиры, мама принялась раздевать и умыть Таюшку на ночь. Но у той вдруг пропал весь сон:

— Мамочка, я хочу сказку про Шишу дослушать, — захныкала Таюшка.

— Вот те раз! Только что была сонная как зимняя муха, Боря тебя домой за руку волок. Куда же сон от тебя убежал? — удивилась мама. — Ну-ка закрывай глазки и лови свой сон.

— Хочу сказку про Шишу... Ты мне обещала... Без Шиши не усну... — затянула Таюшка.

— Ну хорошо, тогда укладывайся и жди меня, — сказала мама.

Таюшка быстренько юркнула в постель. У нее опять начали слипаться глаза, но когда в комнату вошла переодетая в пижаму мама, Таюшкины любопытные глазенки распахнулись, и она вся обратилась в слух. Мама присела на краешек кровати и в темноте продолжила сказку про непоседливую ведьмочку Шишу, чем-то очень напоминавшую ее рыженькую дочурку.

Конец сказки

Напилась Шиша молочка, и захотелось ей взглянуть хоть одним глазком, что у бабушки за изба, что там внутри и почему бабушка так часто туда ходит. Прокралась Шиша в избу и спряталась под стол. А бабушка собралась печь блинчики. И узрела Шиша, как бабушка открыла вход в большую белую пещеру, развела там большущий костер, потом снова закрыла вход и стала на приступочке над пещерой переставлять чугунки. Шиша не знала, что это не пещера, а обыкновенная деревенская печка, — ведь у них, в ведьминском хозяйстве, готовили исключительно на костре.

Бабушка печет блинчики, складывает их в тарелку на столе, а Шиша по одному блинчику таскает и ест. Вкусные оказались блинчики. Но вот в избу по-хозяйски вошел кот и сразу же увидел под столом Шишу. Кот дико мяукнул и прыгнул на Шишу. Та едва успела спрятаться за ножку стола. Кот своей когтистой лапой вырвал из рук Шиши вкусный блинчик и тут же сожрал. Шиша взяла другой блинчик — кот и этот потянул к себе. «Мое!!! — истошно заорал он и стал наступать на Шишу. Шиша дунула в вонючий кошачий нос, кот вылетел из-под стола и оглушительно зачихал.

— Ты что это, Васька? — удивилась бабушка. — Никак простыл? На-ка, скорей тепленьких блинчиков покушай.

Пока кот жадно пожирал один за другим блинчики, выпекаемые бабушкой, Шиша думала, куда бы ей спрятаться от кота. В это время бабушка вышла в горницу, и кот сразу же прыгнул к Шише. «Шишак!» — отчаянно заорал он. Шиша выскочила из-под стола, кот за ней. Сел кот перед Шишей на полосатую дорожку, что была постлана на полу, и приготовился царапнуть Шишу что есть силы. Но не успел кот глазом моргнуть, как Шиша закатала его в эту дорожку — от кота только хвост и уши остались торчать. Кот заверещал на всю избу, Шиша кинулась бежать, но споткнулась о железное кольцо, торчащее в полу. Она дернула за это кольцо, открылся подпол, и Шиша шмыгнула туда.

Бабушка вернулась в избу и охнула:

— Ох, Васька, ты у меня вконец исхулиганился.

Она размотала половик, освободила кота и снова принялась печь блинчики. А котяра засунул свой нос в щель пола и давай шипеть туда, царапая пол когтями:

— Шшшшшшшшшш! Шишааак!

— Да не Шись и не Шишак, а Шиша! Шиша я! — Шиша коту в ответ.

— Никак Васька мышей в подполе чувствует, — сказала бабушка. — Ну-ка, Васенька, погоняй этих окаянных мышей. — И приподняла железное кольцо.

Кот, подбодренный бабушкой, прыгнул в подполье.

— Шишак! — прошипел кот и уперся своим вонючим носом в курносый нос Шиши.

— Я не Шишак, я Шиша! — оттолкнула кошачий нос рассерженная Шиша.

— Караул, Шишак!!! — заорал благим матом кот. — Мммяяяууу!!!

В подполье поднялась возня и беготня. В кота полетели банки со всякой снedyю. Кот ловил их передними лапами, как заправский цирковой артист. А Шиша носилась по стенкам и по половицам вниз головой. Коту в погоне за Шишей пришлось прыгать и стучать головой о половицы, да так, что те начали подскакивать. Бедной бабушке показалось, что ее изба вот-вот рухнет.

— Никак мой Васька с полчищем мышей воюет, сердешный, — запричитала бабушка.

А Шиша тем временем опрокинула крынку сметаны на голову кота, а потом еще и вишневого варенья добавила на многострадальную кошачью голову. Кот ошалело взвыл. В эту минуту бабушка, решившая, что кота пора выручать, а то мыши возьмут над ним верх своей необъятной численностью, открыла подпол, и перемазанный кот пулей вылетел оттуда. Бабушка так и села на пол, увидев всклокоченное чудовище на растопыренных лапах и с широко открытой зубастой пастью, но когда разглядела в нем своего любимого Ваську, то заголосила:

— Батюшки! Загубили моего Васеньку мыши окаянные!

Шиша сразу же спряталась. Бабушка спустилась в подпол, увидела перевернутую крынку сметаны, опрокинутую банку вишневого варенья, и еще пуще расстроилась:

— Васька, проказник, да когда ж ты перестанешь хулиганить? Вон чего натворил! И как мне, старой, весь этот бардак убрать?

Бабушка стала поднимать покосившуюся полку за один конец, а Шиша незаметненько помогла ей, уцепившись за другой, потом таким же макаром подняли вторую полку, третью, и так все полочки вернули на свои места. Потом бабушка поставила на место одну банку, Шиша (опять же незаметно) вторую, и постепенно в подполе снова воцарился порядок.

— Вот так-так! Старая-старая, а как споро я все прибрала! — удивилась бабушка.

А Шиша тихонечко посмеивалась, спрятавшись в углу. Бабушка вылезла и закрыла подпол. Шиша спокойно улеглась на что-то мягкое, свернулась калачиком и уснула.

Проснулась Шиша в полночь. Вокруг, тоненько попискивая, сновали мышки, и в щели пола проникал чуть заметный свет. Шиша прильнула глазом к щели и увидела, как бабушка поставила на окно зажженную керосиновую лампу. Так вот что за огонек был виден в лесу! Вот что за огонек приманил Шишу! Бабушка неспешно поставила тесто на пироги и принялась крутить начинку. Шиша наблюдала за ней, пока опять не заснула.

Утром же Шиша проснулась от такого вкусного запаха, что невольно начала глотать слюнки. Шиша приоткрыла подпол и с опаской осмотрелась: нет ли кота. Кота не было. И Шиша стала дожидаться, когда бабушка выйдет из избы, чтобы стянуть аппетитный румяный пирожок. Бабушка закончила печь и вышла. Шиша выскочила из подпола, забралась в блюдо с пирогами и, выбрав самый большой и поджаристый, отправила его в рот, приговаривая:

— Это для Шиши! Это только для Шиши! — И быстро сжевала горячий пирожок. — И это тоже для Шиши! Взяла второй пирожок, поменьше, и проглотила целиком.

А третий пирожок съела только до половины, потому что больше не хотелось. И, сытая и разморенная, задремала прямо в блюде на горячих пирогах. Зашла бабушка и увидела, что кто-то разбросал пироги по столу. Подошла поближе и наконец-то увидела Шишу:

— Шишачок? Да какой маленький! — улыбнулась бабушка. — Так вот кто меня все время пугал.

— Я не Шишачок, я Шиша! — сказала Шиша сердито и открыла один глаз.

— Значит, ты девочка? Тогда будешь Настенька, — сказала бабушка.

Старушка взяла Шишу на руки, расчесала ей всклокоченные волосенки, заплела их в косички и перевязала ленточками.

— Настенька! Настенька! — затараторила Шиша и ну давай вертеться перед зеркалом. Потом кинулась бабушке на шею и давай ее целовать.

А вечером бабушка сшила для своей Настеньки нарядное платьице, пышненькое, все в оборочках. Надела его Настенька и возрадовалась:

— Ну чем не девочка? Чем не Настенька! Теперь я не Шиша, а Настенька, и я буду хорошей девочкой!

И стали они жить-поживать вместе.

Настенька оказалась толковой и работающей. Всех тараканов из избы выгнала, всю паутину с пауками повывела, полы подмела, все вымыла-вычистила, занавески и половики перестирала. И стало в избе у бабушки и светлее, и просторнее. Настенька научилась печь блинчики и пироги, готовить похлебку. А вечером, когда бабушка зажжет керосиновую лампу и сядет починять свои ветхие носки и бельишки, Настенька ей и нитку в иголку вденет, и очки бабушкины найдет, а потом свернется у нее на коленках и слушает, как та поет песенку. Да так и заснет. Даже кот помирился с Настенькой. Он ведь воевал с задиристой

Шишей, а к доброй спокойной Настеньке у него претензий не было. И петух не обижал Настеньку. И коза Розочка. Так что жили они все душа в душу. Бабушка утром уходит на базар, а Настенька по дому приберется, приготовит обед и ждет бабушку.

Однажды пришла бабушка с базара и говорит:

— Настенька, глянь, какой я тебе подарок купила, на-ка, примерь! — И подает ей красные башмачки, лаковые, блестящие.

Настенька как надела их, так целый пень ходила, при-танцовывая. И ей тоже захотелось порадовать бабушку.

— Пойдем, бабушка, сегодня в полночь в чистое поле: я покажу тебе диво дивное, — уговаривает Настенька ба-бушку.

— Да я старая уже, Настенька, чтоб на диво дивное смотреть, — отнекивается бабушка.

— Пойдем, миленькая бабушка, очень мне хочется тебе приятное сделать, — настаивает Настенька.

И бабушка наконец согласилась.

Вышли они в чисто поле. Настенька села на свою метлу, гикнула и понеслась в ночные облака. Бабушка постояла, подождала и хотела уже вернуться в избу, как вдруг ночные облака расступились, и она увидела, что впереди летит ее Настенька на метле и за звездную уздечку спускает на землю крылатого белого коня. Бабушка так и ахнула. Настенька спустила на землю коня, и тот поскакал галопом. Сделав круг, конь остановился перед бабушкой и низко опустил голову. Бабушка погладила гриву коня, похлопала его по крупу и промолвила:

— Спасибо, Настенька, за это диво дивное. Ты меня и удивила, и порадовала. А теперь отпусти коня домой, Настенька.

Настенька щелкнула уздечкой, свистнула — конь взмыл в небо, и облака сомкнулись.

— Когда я была маленькой, — сказала бабушка, улыбаясь всеми своими морщинками-лучиками, — мне очень хотелось увидеть этого коня. И вот сегодня я его увидела. Спасибо тебе, моя хорошая девочка.

И они вернулись домой. Порадовала Настенька бабушку, да только и себя выдала: ее сестры-то видели, как она спускала коня на землю, и выследили, где она живет.

Утром бабушка ушла на базар, а Настенька принялась убирать избу. Раздался стук в дверь. Настенька, не ожидавшая подвоха, вышла на крыльцо... А сестры хватъ ее за уши! И утащили в пещеру.

Вернулась бабушка с базара, а на крыльце только один башмачок валяется. Догадалась бабушка, что Настеньку утащили сестры, и пошла к лесу. По дороге второй башмачок нашла, потом ленточки из косичек, а потом и платище. Вернулась бабушка домой, зажгла лампу поярче и поставила на окно.

— Может, Настенька моя увидит огонек и снова прибежит ко мне, — вздохнула старушка и села починять свой старый носок...

Мама замолчала.

— А дальше? — нетерпеливо поинтересовалась Таюшка.

— А это все, моя дорогая, — улыбнулась мама. — Конец сказки.

— Мам, а Настенька вернется к бабушке?

— Может быть, и вернется... — уклончиво ответила мама, выходя из комнаты. — А теперь спи.

Папа нашелся

Утром Таюшка проснулась оттого, что дядя Коля громко разговаривал с мамой.

— Света, мне сказали, что обязательно нужны родственники, так что тебе тоже придется ехать вместе со мной.

— Да конечно, Николай, я поеду, отпирашусь на работе и поеду, — тут же согласилась мама.

— Ну, тогда в воскресенье выезжаем. В общем, Света, чтобы к утру в воскресенье была готова, — приказал дядя Коля.

— Мама, а вы куда поедете? — закричала Таюшка, со-скакивая с постели.

— Очень хорошо, что ты встала и услышала наш разговор, — сказал дядя Коля.

— Я ненадолго уеду с дядей Колей, по очень важному делу, а ты, Таюша, останешься у дяди Леша и тети Юли. А то тетя Люда одна с вами всеми, непоседами, не справится, — пояснила мама.

— Ну, Таюшка, будь умницей, не упрямясь, — попросил дядя Коля. — Света, может, ей все-таки сказать?

— Да что ты, Николай! — Мама испуганно замахала руками. — Неизвестно, что моя доченька выдаст. Ее реакции порой трудно предвидеть...

— Ну, Таюшка, немножко потерпи, скоро ты все узнаешь. — Дядя Коля потрепал уже наострившую ушки Таюшку по встрепанным со сна волосикам и ушел.

Мама засобиралась на работу и всем своим видом показывала, что не стоит приставать к ней с расспросами, все равно она ничего не скажет. Таюшка, спросонья покладистая, не стала приставать к маме. Она с удовольствием съела сырники, напилась чаю и, по-быстрому одевшись, выбежала на улицу. Летел первый снежок и тут же таял. Было

сыро, да еще дул холодный ветер. Мальшей на улице не было, только школьники торопились в школу.

— Эй, малявка, Тайка! Куда бежишь? — запыхавшись, догнал ее толстый Борька.

— Ну чего тебе? — обернулась Таюшка, недовольная обращением «малявка».

— Потолковать надо, — важно сказал Борька. — Ты знаешь, куда едет твоя мама с моим папой?

— Знаю только, что едут и по важному делу. А по какому делу, они мне не сказали, — обиженно засопела Таюшка.

— Странно: почему они этого тебе не сказали?

— А что они мне не сказали?

— Не сказали, значит, не захотели!

— А что они мне не захотели сказать? — пристала к Борьке Таюшка и ухватила его за кожаную полу куртки.

— А ты им не скажешь, если я тебе по секрету скажу?

— Скажи, Борьчик, клянусь тебе, что ни за что никому не скажу, — поклялась Таюшка.

— Твой папа нашелся. Пришло письмо из Красного Креста: твой папа сбежал из плена, и сейчас он весь израненный находится в госпитале. Вот они и поедут за ним, — сказал Борька и тут же пожалел об этом, потому что Таюшка, крича: «Папка, папка, папка!!!», понеслась к своему подъезду так, что только пятки засверкали.

Борька припустился за ней, но толстому мальчишке не удалось догнать шуструю прыткую девочку. Таюшка влетела в квартиру с воплем:

— Мама, папка нашелся! — У мамы даже тарелка выпала из рук.

— Да, он нашелся. Он лежит в госпитале, очень болен. Мы с дядей Колей туда поедem и заберем нашего папочку, — спокойно, насколько это у нее получилось, сказала мама.

— Ну все, Таюша, подробности потом, мне уже пора на работу.

— Я тоже поеду за папочкой! — И Таюшка стала топливо вытаскивать из шкафа свое барахлишко и упикивать в пластиковую сумку.

— Нет, ты никуда не поедешь, — строго сказала мама, — ты будешь ждать нас здесь и поживешь у дяди Лешки и тети Юли.

— Нет, я тоже поеду за папой, я сама его привезу, — заверещала Таюшка, — я сама буду за ним ухаживать!

— Конечно, ты будешь мне помогать ухаживать за больным папой, но только тогда, когда мы привезем его домой.

— В мамином голосе зазвучали суровые нотки.

— Нет, я поеду к нему и сама привезу его сюда! — заревела Таюшка и, хлопнувшись на пол, зашла в реве.

Мама подняла ее, нашла попку и поставила в угол. Тут раздался звонок в дверь, и мама пошла открывать. На пороге стоял взбудораженный Борька.

— Теть Свет, это я сказал Тайке, что ее папа нашелся. Хотел ее порадовать. А она разоралась и понеслась как сумасшедшая. Я ей по секрету, а она тут же побежала вам докладывать. Теперь мне от моего папы попадет, — шмыгнул носом Борька.

— Заходи, Боря, и посмотри на мою капризную ревушку-коровушку. И не волнуйся, Боренька, я скажу Николаю, что ты не виноват, он не будет тебя ругать. Вот только моей дочери никогда больше не доверяй секретов: ей же ничего нельзя доверять, потому что она глупая, бестолковая и всегда тебя предаст, — предупредила Таюшкина мама.

Таюшка притихла в углу. Ей стало жалко маму и стыдно, что она предала Борьку. Она же поклялась, что никому не скажет, — и тут же все выболтала... А ведь она уже не маленькая. Вдруг папка узнает, что она предательница, и не захочет такую дочь! — испугалась Таюшка.

— Мамочка, вы с дядей Колей поезжайте за папой, а я вас здесь подожду, — смиренно произнесла Таюшка, выбе-

жала из угла и уткнулась матери в колени. — Прости меня мамочка, я ведь тоже люблю папу. И Борьку я больше не буду предавать.

Тут в дверь снова зазвонили: зашел дядя Коля. Увидев сына, он удивленно поднял брови:

— Борис, ты почему не в школе?

— Не ругай его, Николай, он не в школе из-за моей Таюши, — заступилась Таюшкина мама.

— Что еще стряслось?

— Да мы тут опять раскапризничались, — ответила за Таюшку мама. — А Борис у нас джентльмен, бросился выручать мою капризулю и поэтому опоздал в школу.

— Дядя Коля, я больше не буду капризничать и предавать Борьку, — сказала Таюшка и низко опустила голову.

— Замечательно! Ну, раз все в порядке, тогда марш в школу, Борис. А нам, Света, надо поговорить, — сказал дядя Коля и показал глазами на Таюшку.

— Можешь говорить при ней, она уже все знает. Ураган в стакане закончился, — засмеялась мама.

— Так из-за этого весь сыр-бор разгорелся? — возмутился дядя Коля. — Вот что, Таисия: пока твоего отца здесь нет, я буду сам заниматься твоим воспитанием. И если я еще раз увижу, что ты расстраиваешь маму, то буду тебя наказывать, так же, как наказываю Бориса. Ну, а придет твой отец, он сам будет с тобой разбираться. — И, отвернувшись от озадаченной Таюшки, обратился к маме. — Итак, Света, мы тут с Лехой потолковали и решили, что Витьку будет приятно сразу же попасть в свою собственную квартиру. Витькова квартира уже свободна: законный родственничек как узнал от адвоката Гротова, что ему грозит за незаконное вселение, так мигом собрал свои манатки и съехал. Так вот: мы решили перевезти вас туда прямо завтра. За переезд не беспокойся, мы все перетащим

сами. Так что бери сегодня отгул на работе и собирай вещи. И сегодня же надо оформлять проездные документы. Для въезда в ту зону нужно особое разрешение, я уже заказал его.

— А мы успеем все сделать? И документы оформить, и переехать? — засомневалась мама.

— Управимся! — твердо ответил дядя Коля. — У вас мебелишки-то с гулькин нос, вас перевезти — раз, два и готово.

— Ну, не так уж «с гулькин нос», — возразила мама и стала деловито перечислять. — Шифоньер, книжный шкаф, диван, кровать, стол, стулья, да еще кухонное...

— Все это спокойно влезет в одну машину, да еще там куча места останется. Так что хватит одной ездки. В общем, не теряйте времени даром, девушки, и начинайте паковать вещички.

Мама, помявшись, согласилась. Дядя Коля ушел. Мама тоже заспешила на работу.

— Таюшка, пока я на работе, собери-ка все свои игрушки, мы завтра переезжаем в папину квартиру. Слышала, дочка?

Таюшка уверенно кивнула головой. Мама ушла, а Таюшка бросилась складывать в ящик свои игрушки. Собрала все, вот только Рыжик никак не хотел ложиться в ящик. Вечером пришла мама, и они вместе стали упаковывать чемоданы. Потом пришли помогать тетя Люда и тетя Юлия: они собрали все белье в узлы и связали их. После окончания сборов мама с Таюшкой заснули как убитые.

Переезд

Утром их разбудило нетерпеливое треньканье входного звонка. Мама, еще сонная, накинув халатик, пошла открывать. В квартиру ввалились сразу трое мужчин.

— Ну, девушки, готовы? Все собрали? — спросил дядя Коля. — Машина уже прибыла. Пока мы будем таскать тюки, вы уж, пожалуйста, оденьтесь, да потеплее, на улице холодрыжник.

Мужчины сразу взяли все узлы, потом пришли грузчики за мебелью. Мама с Таюшкой поспешно оделись, прихватили легкую поклажу и спустились во двор. Там их посадили в дядь-Колину легковую машину, потому что грузовая с мебелью и тюками уже отъехала. Когда они подъехали к папиному дому, там заканчивали разгрузку грузовика, а большая часть вещей уже была внесена в квартиру.

— Мама, а Рыжика-то забыли! — спохватилась Таюшка и заревела.

— Эх ты, хозяйка, — сказал дядя Коля, улыбаясь, — а это кто спит у меня на коленях?

Таюшка посмотрела и радостно воскликнула: «Рыжик!» Испуганный Рыжик проснулся, приоткрыл глазки-щелочки, зевнул, обнажив розовый язычок, потом снова спрятал нос в шерстку и задремал.

Они вошли в папину квартиру. Там хозяйничали тетя Люда с какой-то девушкой.

— Света, не обижайся, что мы тут без тебя покомандовали. Мы все рассортировали и расставили, а дальше вы уж сами все разложите и приберете. Оставляю вам в помощницы свою домоуправительницу Галочку. Вещей у вас, правда, негусто, но все-таки пусть Галочка поможет, а я побегу в свою клинику.

Таюшка залезла на подоконник. Там же примостился и Рыжик. Таюшка увидела, как из окна соседнего дома кто-то машет ей руками. Пригляделась: то был Борька. Таюшка показала ему в окно Рыжика. Борька ей тоже что-то показывал, что-то белое в черных пятнах. «Дух!» — поняла Таюшка.

— Мама, у Борьки Дух нашелся! — радостно закричала она.

Мама подошла к окну и помахала Борьке рукой. Тот тоже изобразил что-то вроде приветствия.

— Пойдем, дочка, помоги мне убраться, — велела мама. — Покажи, какая ты хозяйка.

— Светлана Николаевна, а сколько вашей дочечке лет? Наверно, уже в школе учится? — спросила отряженная в помощь Галочка.

— Да нет, ей всего шестой год.

— Рослая-то какая! — восхитилась Галочка. — Высокая будет, как фотомодель.

— Это точно: вытянется как жердь, — усмехнулась мама.

Они убрали белье, потом стали раскладывать вещи. Квартира постепенно принимала жилой вид, и видно было, какая она уютная и как добротнo сделан ремонт.

— Это все Николай! Он прихорашивал эту квартиру! Представляете, за три дня с ремонтом управились! — с гордостью сказала Галочка.

Дух и Таюшка

— Таюша, теперь можешь пойти погулять, — сказала мама, когда они все прибрали.

И Таюшка, наскоро одевшись, помчалась на улицу. Там ее ждал Борька со своим щенком. Крупный мускулистый щенок, несмотря на окрики хозяина «Стоять!», без конца подпрыгивал и крутил мордой в разные стороны.

— Здорово! Хочешь поводить Духа? — помедлив, предложил он.

— Хочу! — с готовностью откликнулась Таюшка. Однако, несмотря на заманчивое предложение, она чуточку трусила, особенно когда Дух воинственно обнажал острые клыки. — А он меня не укусит?

— Я же здесь буду, — покровительственно сказал Борька. — Вообще-то Дух девчонок не кусает.

Таюшка взяла поводок и потянула щенка. Но сильный Дух вместо того, чтобы послушаться Таюшку, потащил ее в другую сторону.

— Дух, Дух! Пойдем со мной, — пыхтела Таюшка, пытаясь притянуть песика к себе.

Но Дух залез под скамейку и так запутал поводок, что Таюшке пришлось звать Борьку на помощь.

— Борька, ой, он сейчас убежит! — завизжала Таюшка.

Щенок испугался и так рванул поводок, что затащил Таюшку под скамейку, а сам вырвался и помчался к Борьке. Борька взял Духа за ошейник и, глядя в преданную собачью морду, что-то строго выговорил ему. Таюшка, пыхтя, вылезла из-под скамейки. Борька подошел и помог ей отряхнуть курточку.

— Ты больше не визжи, если держишь Духа, — важно изрек Борька, — он боится, когда визжат.

— А чего он меня потащил? — обиделась Таюшка.

— Просто он тебя еще не знает, — примирительно сказал Борька, — ты для него вроде как чужая. Но он привыкнет к тебе и будет принимать за свою.

Потом они вместе прогуливали Духа. Таюшка убегала от Духа, тот настигал ее и клал на нее свои когтистые лапы, было чрезвычайно смешно. Затем они с Борькой вместе убегали от Духа, а тот их догонял.

Когда Таюшка вернулась домой, мама сказала ей:

— Таюша, может, ты сегодня пойдешь к дяде Леше ночевать? А то все это время мне будет ужасно некогда в связи с этими оформлениями, я буду приходить домой совсем усталая.

— Не-е-ет, мамочка, я хочу последние деньки побыть с тобой, — захныкала Таюшка.

— Ну хорошо, останься со мной до субботы, — согласилась мама.

Два дня, что оставались до субботы, пролетели незаметно. И вот настала эта самая суббота. Таюшка уже успела примириться с мыслью, что мама уезжает, и успокаивала себя тем, что мама уезжает ненадолго и вернется уже с папой.

«Не трогайте собаку!»

Субботним утром мама торопливо разбудила ее:

— Таюшенька, вставай, я бегу получать документы, а ты позавтракай и иди погуляй, а вечером пойдешь уже к дяде Леше. Поняла?

Таюшка кивнула в знак согласия. Она поспешно выпила чай, поделилась с Рыжиком омлетом и, схватив куртку с шапкой, помчалась на улицу. Там она увидела принаряженную Маришку: в бархатном беретике с помпоном, в завязанном пышным бантом шелковом шарфике и в замшевых сапожках.

— Маришка, привет! — догнала ее Таюшка. — Куда идешь?

— Ой, Тайка, в цирке сегодня дневное представление, в три часа начало, я на него иду!

— Ух ты! Я тоже хочу в цирк! Пока мама не ушла, мне надо попросить у нее денежку! — И Таюшка побежала домой.

Мама уже стояла одетая и собиралась выходить, когда влетела запыхавшаяся Таюшка.

— Мам, дай денежку!

— На что тебе денежка? — удивилась мама.

— Маришка идет в цирк на дневное представление в три часа, и я тоже хочу.

— Вот тебе деньги на билет в цирк и на два мороженых: тебе и Маришке, — вытащила мама из кошелька деньги. — Положи в карман и не потеряй.

Таюшка, заполучив деньги, вихрем унеслась на улицу и помчалась догонять Маришку и договариваться пойти в цирк вместе. Они условились, где встретятся, немного прогулялись, и Таюшка пошла обедать к дяде Леше. Вовки дома не было.

— Он, наверно, у Сагиновых, — сказал дядя Леша. — Давай, я их с Борей позову, вместе пойдете в цирк.

— Зачем нам мальчишки? — заупрямилась Таюшка. — Мы с Маришкой отлично ходим в цирк и без них.

— Ну, смотрите. И строжайше тебе наказываю: к пьяным не лезь и к старшим пацанам тоже не смей подходить. Поняла?

Таюшка понимающе кивнула и ускочила на улицу. Там они немного побегали и, спросив у прохожего, который час, отправились в цирк. Посмотрев представление, они вышли на улицу, смешавшись с толпой других ребятшек. Было еще светло.

— Маришка, побежали по тропинке: посмотрим, куда она ведет, — предложила предприимчивая Таюшка, показывая на пустырь, начинавшийся за цирком.

— Ой, Тайка, мне что-то страшно туда идти, — призналась Маришка.

— Если ты боишься, то я пойду одна. А ты ступай домой, — сказала неугомонная Таюшка, бегом пересекла пустырь и нырнула в переулок, узкий и тихий.

— Вот видишь, ничего страшного, тут и нет никого, — подбадривала она таки увязавшуюся за ней Маришку.

Они уже могли благополучно выйти из переулочка, как вдруг услышали, что где-то неподалеку жалобно заскулила собака.

— Собачка плачет, — остановилась Таюшка.

— Ой, Тайка, пойдем, я боюсь, — прошептала Маришка.

Но Таюшка не двинулась с места. Прислушавшись, откуда доносится скулеж, она свернула в крохотный проулок. И тут снова заскулила собака, и этот скулеж постепенно перерастал в душераздирающий вой. Таюшка побежала на этот вой. Проулок кончился, и она оказалась возле небольшого больничного садика, огороженного низким деревянным штaketником, а напротив высились безо-

конные стены складских помещений. Место было глухое, здесь хоть и закричишь, никто не услышит. Дальше Таюшке идти не пришлось: она уже увидела, кто воет: к штакетнику за шею веревкой прицеплена махонькая собачонка. Собачонка, вытянувшись во весь рост, стояла на задних лапах, и веревка даже не давала ей возможности никуда отвернуться. А три здоровых пацана забавлялись тем, что швыряли в собачонку камнями.

— Смотри, я сейчас попаду в шавку, — сказал один и швырнул камень, но камень попал в штакетник.

— Эх ты, мазила, — заржал второй пацан. — Вот я сейчас точно попаду!

И он, прицелившись, швырнул камень. Камень попал несчастной собачонке в глаз. Глаз сразу же налился кровью.

— Уйя! Прямо шавке в глаз! Вот это попадание, первый разряд, ур-р-ра! — раскатисто закричал третий пацан и жизнерадостно запрыгал. — А сейчас я попробую.

И он швырнул камень, который угодил собачонке в ухо. Из ранки потекла струйка крови. А через минуту на беззащитную собаку обрушился целый град камней: пацаны начали буквально расстреливать бедное животное.

Таюшка завизжала что есть мочи:

— Что вы делаете?! Остановитесь!!! Не смейте!!! Не трогайте собаку!!!

Но пацаны не обратили на нее ни малейшего внимания.

Тогда Таюшка резко рванула с места, подбежала к собачонке и закрыла ее собой. Один из пацанов пытался оттащить ее, но Таюшка крепко вцепилась обеими руками в штакетину. Тогда в нее тоже полетели камни. Один попал ей в голову, и она почувствовала, как по щеке и шее потекло что-то теплое, закапало вниз, а на земле быстро расплзлось темное пятно. Второй камень пребольно ударил ее в плечо, и она потеряла сознание...

Таюшка в больнице

Таюшка открыла глаза, и незнакомая белая комната сразу же качнулась и поплыла. Над ней склонился усатый врач, и его лицо тоже поплыло куда-то в сторону.

— Как себя чувствуешь, милая барышня? — спросил врач.

— Где мама? — еле разлепив губы, с трудом выговорила Таюшка.

— Сейчас позову тебе тетю Людю, — заторопился врач, но тетя Людя сама уже входила в палату.

— Ну что, Таюша, очнулась? Как ты себя чувствуешь? Голова болит?

— Болит. А где мама?

— Мама скоро придет. Таюшка, а где у тебя еще болит?
— допрашивала тетя Люда. — Спина болит?

— Все болит, — заплакала Таюшка.

— Ну, только не плачь, все твои бобошки скоро пройдут.

Тут в палату вошли еще три человека в белых халатах и начали тихо переговариваться. Они еще раз осмотрели Таюшкины голову и спину, наложили свежие повязки, подключили какие-то проволочки к голове, рукам и груди и ушли. Таюшка все это мужественно перетерпела, но когда принесли капельницу, то перепугалась и застонала. Зашла тетя Люда.

— Таюша, в чем дело?

— Что это? Я боюсь.

— Таюша, да это просто капельница, тебе будут капать лекарство, — растолковала тетя Люда. — Ты же не пожелаешь пить горькое лекарство, вот его и накапают тебе прямо в венку. Будет чуточку больно, совсем чуть-чуть. Ты закрой глаза, чтобы не было страшно.

— А мама придет?

— Конечно, придет, — заверила Таюшку тетя Люда. — Ну-ка, закрой глазки. Вот видишь, какая ты молодец. И совсем не больно, правда?

Но Таюшка, открыв глаза, увидела воткнутую в руку большую иглу и застонала еще громче. Тетя Люда нагнулась над Таюшкой, погладила ее, поцеловала в конопатый носик, а тем временем медсестра взяла шприц и ввела лекарство в прозрачную трубочку капельницы. И Таюшка снова уснула.

Проснулась она, когда уже наступил вечер. Две нянечки развозили ужин на скрипучих каталках. К Таюшке зашла тетя Юля в белом халате.

— Ну что, Таечка, будешь ужинать? — спросила она.

— Где моя мама? — пролепетала Таюшка.

— Как, ты разве не помнишь, что сама отпустила маму с

дядей Колей Сагиновым съездить по очень важному делу? — удивленно спросила тетя Юля.

Таюшка сморщила лобик и силилась припомнить: да, кажется, она действительно куда-то отпустила маму. И Таюшка понимающе похлопала ресничками.

— Вот видишь, все вспомнила, — обрадовалась тетя Юля.
— А теперь давай-ка поужинаем. Я тебя напою клюквенным морсом, накормлю бульончиком с курочкой, и побегу кормить Вовку с дядей Лешей. А то они меня проглотят, причем в один присест, если я вовремя не обеспечу им питание, — пошутила тетя Юля.

Таюшка залпом выпила весь морс, а вот бульону скушала только четыре ложечки, больше не хотелось. А от вида вареной куриной ножки даже чуточку затошнило.

— Тетя Юля, а мама давно уехала? — спросила Таюшка.

— В воскресенье, а сегодня у нас среда, — ответила тетя Юля.

— Это я так долго спала? — удивилась Таюшка.

— Тебе укольчики ставили, чтоб ты спала, — сказала тетя Юля и вышла.

Таюшка лежала и усердно вспоминала. Она помнила, что отпустила маму, только вот зачем? Этого она решительно не помнила.

В палату заглянул усатый врач:

— Ну, как дела, милая барышня?

— А когда вы меня домой отпустите? — ответила Таюшка вопросом на вопрос.

— Да уж погости у нас еще маленько, — попросил врач и, пожав Таюшкину ручонку, тоже вышел.

Через пару дней пришел дядя Леша. Он сел на стул возле кровати, крепко сцепив руки на коленях, окинул Таюшку каким-то непонятно рассеянным взглядом, сказал:

— Знаешь Таюша, я теперь тебе не чужой человек, ты

теперь моя кровная дочь.

— Я папина дочка, — заупрямилась Таюшка.

— И моя теперь тоже, — твердо сказал дядя Леша и пояснил. — Когда ты в драке потеряла много крови, тебе перелили мою, благо у нас с тобой группы крови совпадают. Так что теперь ты моя кровная дочь. А теперь послушай, что я тебе скажу: с сегодняшнего дня ты не имеешь права одна, без меня, лезть в драку. Давай договоримся так: прежде, чем полезешь к кому-то драться, позовешь меня, и мы с тобой посоветуемся, драться нам или нет. Поняла?

— И даже с Вовкой?

— Вовка не имеет права бить свою кровную сестру. Ну что, договорились, по рукам? — Дядя Леша протянул свою большую ладонь Таюшке, и они крепко пожали друг другу руки.

Медленно и уныло потянулись больничные дни, особенно тоскливо было по вечерам, когда тушили свет. Таюшка тихонько плакала в подушку, чтобы ее никто не услышал. Она очень сильно соскучилась по маме, ей уже казалось, что мама теперь никогда не вернется. И зачем только она отпустила маму!

Однажды утром у Таюшки резко поднялась температура.

— Ну-ка, Таюша, переставай плакать по ночам, иначе к приезду мамы ты не поправишься, — пригрозила ей тетя Люда.

— А кто вам сказал, что я плачу? — удивилась Таюшка.

— А вот этот компьютер, он нам все про тебя рассказывает, — открыла тайну тетя Люда.

Теперь Таюшка опасливо посматривала на ябедничающий компьютер, стоящий посередине палаты, однако плакать перестала.

Однажды Борька ей принес фотографии Рыжика. Та-

кие забавные! На одной Рыжик был с выпученными, как у совы, изумленными глазами, а на другой старательно умывался лапкой.

— И Клопик тебе большой привет передает, — сказал Борька.

— Какой еще Клопик? — не поняла Таюшка.

— Ну, та собачка, которую ты спасла, — осторожно напомнил Борька, памятуя приказ лечащего врача не волновать Таюшку. — Клопик теперь живет в подъезде у дяди Леша, он ему там будку соорудил. Клопик теперь Вовку в школу провожает и из школы встречает.

— А этот Клопик уже поправился?

— Поправился. Мы с Вовкой за ним ухаживали. И Дух его признал.

— Вот и отлично! — обрадовалась Таюшка. — Когда я поправлюсь, буду играть и с Духом и с Клопиком.

— Ты, Тайка, больше не лезь одна к большим пацанам и вообще ни к кому не лезь. Зачем тогда одна пошла? Надо было нас позвать, мы бы и в цирк вместе ходили, и с теми подонками разобрались, что в Клопика камнями кидали, — назидательно сказал Борька.

— Я не одна была. Мы с Маришкой были, — надулась Таюшка. — И вообще я не лезла к ним, я Клопика спасала.

— Нашла себе заступника — Маришку! Да эта Маришка известная трусиха, она даже муравьев боится, — хмыкнул Борька.

— Ну и что, что муравьев боится. Зато Маришка не бросила меня, даже когда вы с Вовкой меня били, — напомнила Таюшка.

— Мы больше не будем тебя бить. Мы и тогда не хотели тебя бить, мы просто хотели забрать у тебя котенка, потому что Дух не любит кошек, он бы погнался за ним, если бы увидел, и сам бы попал под машину, и котенка бы задавило, — оправдывался Борька. — Если бы я тогда

знал, что ты дочка папиного друга, я бы ни за что тебя не тронул, я ведь тоже своего папку люблю, а твой папа когда-то его спас. Если твой папа найдется, я пожму ему руку, — солидно добавил Борька и вдруг, шмыгнув носом, предложил. — Давай больше не будем ругаться!

— А ты будешь со мной дружить? — ехидно спросила Таюшка.

— Мы все будем с тобой дружить, — сказал уклончиво Борька и вдруг застеснялся.

— Ладно уж. — И Таюшка махнула рукой в знак согласия. Ей было приятно, что Борька так с ней разговаривает.

— Хочешь, я тебе завтра Рыжика за пазухой принесу? — предложил Борька.

— Вот здорово! — обрадовалась Таюшка.

Но на следующий день, когда Борька с Вовкой пришли в больницу, у них на входе сразу же обнаружили кота и не пропустили.

— Так, Тая, чья это была выдумка, чтоб пронести сюда Рыжика? — строго спросила тетя Люда.

Таюшка хотела было выдать Борьку, но ей подумалось: «Разве папа предал бы дядю Колю?» И она дипломатично сказала:

— Я по Рыжику соскучилась и попросила Борю принести его сюда. Извините, пожалуйста.

— Ну, хорошо, можешь посмотреть в окно на своего Рыжика, вон Боря тебе показывает, — сказала тетя Люда.

Таюшка посмотрела в окно и увидела, что Борька обеими руками держит извивающегося Рыжика. День за окном был солнечный, и Рыжик казался огненно оранжевым.

— Ой, он же сейчас убежит от Борьки, — испугалась Таюшка и незамедлительно заревела.

— Не плачь, Таюша. Вот мама придет, и тебя, наверное, выпишут, — пообещала тетя Люда.

— А когда она придет?

— Да уже на той неделе. И Рыжик твой никуда не убежит: Борис ему кошачий поводочек сделал.

— Вот здорово! Теперь и я Рыжика буду выводить на улицу, — обрадовалась Таюшка.

А Борька взял за лапу Рыжика и помахал ею Таюшке, потом отпустил Рыжика на асфальт и повел его домой. Рыжик потрусил за ним и был похож на лисичку.

Через два дня зашла очень веселая тетя Люда и сказала:

— Таюша, вчера звонила твоя мама, спрашивала про твое здоровье и сообщила, что они приезжают на той неделе, предположительно в понедельник. Так что жди свою мамочку.

Таюшка так обрадовалась, что снова затемпературила, да еще появился нервный тик. Пришел усатый доктор, присел на краешек койки, положил свою мягкую прохладную ладонь на Таюшкины пальчики и сказал:

— Ну-ка, милая барышня, ложись поудобнее и будем лечиться! Сомкни-ка ручки в замок, переплети пальчики... Вот умница! А теперь попробуй их разжать.

— Не получается, — вздохнула Таюшка.

— Ну, хорошо, — сказал доктор, — а сейчас ты увидишь интересный сон. Спи!

И Таюшка увидела много-много цветных шариков, и среди этих шариков гулял ее огненный Рыжик и смешно ловил их лапой.

К воскресенью Таюшка начала вести себя поспокойнее, но усатый врач по-прежнему запрещал волновать ее.

— Приедут родители, и если она не узнает отца, то не стоит сразу говорить ей, что это ее папа, она сама постепенно все вспомнит, — предупредил врач медицинский персонал.

Наступил понедельник. Таюшка проснулась, выяснила, какой день недели, и тут же спросила:

— Мама приехала?

— Нет еще, Таюша, не приехала, — сказала тетя Люда.

— Но не сегодня, так завтра обязательно приедет.

И Таюшка отчаялась: ей опять стало казаться, что мама никогда не приедет, и ей снова стало жаль, что она ее отпустила.

— Если мама когда-нибудь вернется, то я ее больше никуда не отпущу, — поклялась Таюшка.

— А ты не жди ее так сильно, тогда она быстрее приедет, — советовали ей.

Дядя Витя

И вот в один прекрасный день, когда Таюшка еще спала, она вдруг почувствовала, что мама сидит рядышком возле ее постели. Таюшка даже боялась открыть глаза: «А вдруг это неправда, вдруг мамы совсем нет, вдруг она мне только кажется?» Но мама и в самом деле сидела возле ее постели и увидела, как у дочки дрогнули реснички, и поняла, что та боится открыть глаза, чтобы не спугнуть видение. Тогда она наклонилась над дочкой и поцеловала ее, и Таюшка, не открывая глаз, обвила мамину шею исхудавшими ручонками и горячо зашептала ей прямо в ухо:

— Мамочка, я тебя больше никуда не пуцую.

— А я больше никуда и не поеду, — сказала мама.

Мама взяла ее на руки, и Таюшка, прижавшись к ней, еще немного вздремнула.

— Таюша, да проснись же ты, наконец, хватит уже спать, — разбудила ее мама.

Таюшка открыла глаза, посмотрела на маму и запоздало залилась слезами:

— Мамочка, почему ты меня оставила?!

— Потому что мне надо было срочно уехать.

— Ну-ка, Тая, прекрати упрекать маму, — сказала тетя Люда. — Ее дядя Коля тогда еле-еле от тебя оторвал, она не хотела оставлять тебя одну в больнице, но ей надо было срочно ехать. Дядя Коля с большим трудом увел ее тогда отсюда.

— Таюшенька, не сердись на меня, когда ты выздоровеешь окончательно, я тебе все расскажу.

— Ладно, мамочка, я больше не буду тебя обижать, я просто соскучилась, тебя так долго не было. — И Таюшка крепко-крепко обняла маму.

— Все у нас хорошо, дочка, — сказала мама, вытирая слезы: и дочкины, и свои.

Тут Таюшка заметила за спиной у мамы незнакомого мужчину: он стоял и пристально смотрел на нее.

— А это еще кто? — Таюшка невоспитанно ткнула пальцем в направлении мужчины и надулась.

— Это?! Это... Это... Это дядя Витя, — сказала мама, растерявшись.

— Какой еще дядя Витя? — надулась Таюшка.

— Лучший друг дяди Коли, — уточнила мама и почему-то закусила губу.

Дядя Витя посмотрел, усмехнувшись, на маму, и приблизился к Таюшке:

— Ну, здравствуй, Таюшка! Иди ко мне, я тебя подержу на руках, авось вспомнишь меня. Посмотри-ка на меня внимательно: может, ты меня уже где-то видела?

— Нигде я вас не видела! — взвизгнула Таюшка и, вырвавшись из дядь-Витиных рук, поползла по постели к маме и как бы нечаянно пнула дядю Витю ногой.

— Таисия, это что такое?! Дядя Витя воевал, весь изра-

ненный, а ты его лягаешь, бессовестная! У меня не дочь, а прямо какая-то глупая ослица! — обиделась мама.

— А чего он сам лезет? — возмутилась Таюшка.

— А ты посмотри на него внимательно: может, вспомнишь, кто это, — принялась уговаривать Таюшку мама.

Дядя Витя стащил Таюшку с маминых колен и взял к себе на руки, но та вывернулась и хотела снова уползти к маме. Дядя Витя снова ее поймал и посадил к себе на колени, крепко прижав к себе. Таюшка пыхтела, пытаясь снова вывернуться, но у дяди Вити были крепкие руки.

Тут в палату вошли дядя Коля с дядей Лешей. Таюшка так заорала, что мужчины растерялись:

— Что здесь происходит? — удивленно спросил дядя Коля.

— Да вот свое дитя никак не могу приручить, — горестно ответил дядя Витя.

— А по-хорошему ты ей не можешь сказать, кто ты?

— Медперсонал не разрешает волновать ее, — расстроено произнес дядя Витя.

— Ну все, Витек, если Таюшка тебя не признает, значит ты в нашу банду не годишься, — сказал, смеясь, дядя Леша и шутливо посоветовал. — Надо, чтоб Светка прилюдно тебя из ложечки покормила, и тогда мы тебя, может быть, признаем.

— Знаешь, Витек, Таюшка ведь тебя даже на портрете, где ты десятиклассник, узнала, и так вцепилась в этот портрет, что сама тащила его до дома, — вспомнил дядя Коля.

— Дайте-ка мне ее сюда, а то бедного ребенка уже всего измучили.

Дядя Витя ослабил руки. Таюшка только этого и ждала, она вывернулась и метнулась к маме. Тут в палату вошел усатый врач:

— Светлана Николаевна, пока что мы не можем выписать вашу дочку: надо ее еще понаблюдать. Вы сможете

приходить сюда ежедневно на пару часиков? Ваша работа вам позволит? — обратился он к Таюшкиной маме. — Серьезных органических повреждений у Таи нет, но она пережила сильный стресс. И никак не может отойти от потрясения. Да и уж очень она скучала без вас.

— Да-да, конечно, я после работы прямо сюда. Но скажите, когда примерно ее выпишут? У нас дома кошка, собака, да и муж мой вернулся не совсем здоровым, — поведала Таюшкина мама.

— Ну, если до пятницы ничего худого не случится, то выпишем ее в пятницу, — пообещал доктор.

— Доктор, посоветуйте, как нам сказать ей про отца, — попросил дядя Коля. — Она упорно не узнает его, ну ни в какую не узнает, а волновать ее нельзя. Может, вы как-то поможете нам?

— Ну, с этим она сама справится, — заверил усатый врач. — Она бойкая девочка, не каждый ребенок способен броситься под град камней. Храбрая рыженькая кроха, — уточнил он и ушел.

— Мамочка, разве у нас и собачка есть? — удивилась Таюшка, услышав краем уха взрослый разговор.

— Да, у нас дома поселился Тайфун, большой и умный пес, — сказала мама. — Мы же собирались завести собаку, вот и завели. Причем сразу взрослою и такую, чтобы могла охранять тебя на прогулках.

— А вдруг этот большой пес укусит Рыжика? — испугалась Таюшка.

— Нет, Тайфун любит Рыжика, Рыжик теперь спит верхом на Тайфуне. И Тайфун будет присматривать за тобой, чтобы ты не лезла в драки, — пообещала мама. — И еще: ко мне приехал мой муж, — робко добавила она.

— Какой еще муж? А мой папа куда пойдет жить, когда найдется? — От такой новости Таюшка даже рот открыла и тут же приготовилась обидеться на маму.

— А ты посмотри на него внимательно, может, узнаешь в нем нашего папу, — увещевала мама, показывая глазами на дядю Витю.

— Он лысый и старый, — заупрямилась Таюшка, — а мой папа с волосами и молодой.

— Это он голову побрил, Таюшка, а так это мой настоящий друг Виктор Лужин, — подключился дядя Коля. — Я бы никогда не стал тебя обманывать, Таюшка! Ты присмотришься хорошенько. Даю слово, что это твой папа.

— Не-е-ет! — упрямилась Таюшка. — Он с бородой, а у моего папы нет бороды.

— Витек, немедленно сбрей бороду, иначе родная дочь тебя так и не признает, — хохотнул дядя Коля.

— Таюшенька, подвинься ко мне поближе. Видишь, сколько у меня шрамов, — сказал дядя Витя, — поэтому я сбрил волосы с головы и отрастил бороду. Одни шрамы надо еще лечить, а другие уже можно закрывать, чтобы люди не пугались.

Таюшка боязливо приблизилась к человеку, преждевременно постаревшему в плену. А ведь этот человек столько лет всей душой стремился домой и весь свой плен мечтал еще хоть разочек увидеть свою рыжую дочурку!

— Вот, дочка, посмотри, что в моей бороде прячется.

Дядя Витя раздвинул бороду, и Таюшка увидела шрамы, много-много шрамов, и не только в бороде. Шрамы были по всему лицу, на голове, на руках, на шее. Таюшке стало жалко этого старого и лысого, и она принялась гладить шрамы своими пальчиками. Она гладила лицо, голову, руки дяди Вити, а у того из глаз потекли крупные слезы. Таюшка вытирала их своими теплыми лапочками и приговаривала:

— Не плачьте, дядя Витя, не плачьте... Уже хорошо то, что вернулись с войны. И мой папа тоже найдется и вернется.

— Ну вот, опять за свое! Таюшка, это же твой настоящий папа, — стал уверять ее дядя Леша. — Ну-ка всмотришься в его лицо. Ведь это же то самое лицо, что на фотокарточке, что стоит у тебя в комнате, на столе, в рамочке...

— Не знаю я, — недоверчиво и растерянно прошептала Таюшка, силясь вспомнить лицо на карточке.

— Ничего, она меня потом узнает, — сказал дядя Витя и взял Таюшку на руки.

Таюшка и вправду не помнила папиного лица на домашнем фотопортрете: это лицо как-то размылось в ее памяти, стало нечетким, неясным. Она пригрелась на коленях у отца, которого по-прежнему считала чужим дядей Витей, и задремала после такого бурного для нее дня. Не слышала она, как уложили ее в постель, как уходила домой из ее палаты счастливая мама, обняв не менее счастливого папу, и как потом мама вернулась. Ее разбудил мамин голос:

— Вставай, Таюшка, я уже успела сбежать домой и приготовить ужин, пока ты спала. Накормила Рыжика с Тайфуном и дядю Витю.

Она заставила Таюшку поужинать, поправила ее постель. Медсестра сделала Таюшке укол, и Таюшка быстро провалилась в сон. И снилась ей белая крылатая лошадка. Лошадка убегала от нее в ночное небо, а Таюшка все бежала за ней и кричала: «Лошадка, лошадка, постой, погоди!»

Здравствуй, мама!

Три последних больничных дня прошли не так уж уныло: ведь каждый день приходила мама. В пятницу ее снова осмотрели врачи и сделали контрольный рентген. Все было уже нормально, и ее выписали. После обеда мама с дядей Витей принесли объемистую сумку, и мама стала помогать Таюшке одеваться: надела на нее тонкий шерстяной свитер, колготки, а сверху пушистый костюмчик с начесом.

— Ну что, девушки, готовы? — спросил зашедший в палату дядя Витя.

— Готовы, только вот осталось косички заплести, — сказала мама. — Ну-ка, Витя, давай, ты одну косичку, я другую.

Мама расчесала Таюшкины волосы, и они с дядей Витей стали заплетать по косичке.

— Ну, просто семейный портрет в больничном интерьере, — засмеялся зашедший в палату дядя Коля.

Потом они сели в машину, и дядя Коля отвез их домой. Дома первым делом Таюшка принялась рассматривать свои зимние обновы: бежевую кудрявую шубку и в тон ей вязаную шапочку.

— Мама, а это мои шубка и шапочка? — недоверчиво спросила Таюшка.

— Пока твои, а потом не знаю, чьи будут, — улыбаясь, сказала мама.

— Как, разве ты собираешься кому-то отдать их? — огорчилась Таюшка.

— Таюша, ты же скоро вырастешь из этих шубки и шапочки, и тогда, может быть, их будет носить твоя сестренка, — сказала мама.

— Какая еще сестренка? У меня нет никакой сестренки.

— Это пока нет, а потом обязательно будет, — сказал дядя Витя. — Вот я поправлюсь, и мы с мамой проработаем этот вопрос. У тебя обязательно будут и сестренка, и братишка.

— Я лучше к своему папе уйду, когда он найдется, — мрачно пообещала Таюшка.

Взрослые огорченно замолчали. Таюшка зашла в прихожую, и к ним сразу из комнаты выпрыгнул большущий пес. Таюшка невольно спряталась за маму.

— Не бойся, Таюша, это Тайфун, он очень добрый, — сказала мама.

— Тайфун, это наша Таюшка, — сказал дядя Витя.

Он взял Таюшкину руку и дал понюхать Тайфуну. Тайфун лизнул Таюшкину лапочку и отвел уши назад, что на собачьем языке означало: я понял, хозяин.

Таюшка прошла в свою комнату, которая когда-то была папиной. На кровати у нее сидели три мягких медведя, огромный плюшевый леопард и черепаха. Таюшка поиграла с ними, дала понюхать одного мишку Тайфуну, но тот отвернулся от игрушки и посмотрел на Таюшку умными глазами, давая понять, что плюшевые игрушки ему глубоко безразличны. Потом она потрогала лежащую на полу мягкую черепаху и попрыгала на красивом леопарде. Тут в комнату заскочил Рыжик и начал баловаться с черепахой.

— Рыжик, нельзя, ты ее порвешь! — И Таюшка отобразила у Рыжика черепаху.

Рыжик маханул на стол и тут же с грохотом что-то уронил. Таюшка подошла и увидела, что это упал папин портрет. Она его подняла и стала внимательно всматриваться в папино лицо. Тут в комнату вошел дядя Витя и присел перед Таюшкой на корточки. Таюшка перевела взгляд на дядю Витю, потом опять на папин портрет, потом снова на дядю Витю, — и на ее лице появилась удивление: папины глаза на портрете были в точности такими же, как у дяди Вити.

— Папа! — одними лишь губами прошептала она и крепко обняла своего папу.

Наконец-то!!!

— Вот видишь, дочка, ты меня и вспомнила, — сказал папа и посадил дочку на колени.

И они долго так сидели, прижавшись друг к другу.

А в город уже вошла зима на мягких снежных лапах и начинала кружить на городских улицах свои колючие метели...

Новокузнецк, 2003

Содержание

Шел по осени щенок	3
Про рыжую Таюшку	45

МБУ "МИБС"

г. Новокузнецк

13842101075256

ISBN 9785519464642

9 785519 464642

УДБ